

Уголовное судопроизводство



Тема номера:

Искусственный интеллект в правосудии

Уголовно-процессуальный запрет
на покаяние

Этика уголовного процесса

Философия следственной деятельности

№ 4
2020

ISSN 2072-4411



9 772072 441777 >



юрист
издательская группа

Уголовное

судопроизводство

№ 4/2020

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ
И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

ЗАРЕГИСТРИРОВАНО ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮЖЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ — Рег. ПИ № ФС77-29334 от 24 августа 2007 г.
Издается с 2005 г., 2 раза в полугодие

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «ЮРИСТ»

Председатель редакционного совета:
Колоколов Н.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Азаров В.А., д.ю.н., профессор,
Александров А.И., д.ю.н., профессор,
Воскобитова Л.А., д.ю.н., профессор,
Гирько С.И., д.ю.н., профессор,
Головки Л.В., д.ю.н., профессор,
Гуров А.И., д.ю.н., профессор,
Каплина О.В., д.ю.н., профессор (Украина),
Ковтун Н.Н., д.ю.н., профессор,
Лазарева В.А., д.ю.н., профессор,
Москалькова Т.Н., д.ю.н., д.ф.н., профессор,
Османов Г.С., к.ю.н.,
Поляков М.П., д.ю.н., профессор,
Попов И.А., д.ю.н., профессор,
Сальников В.П., д.ю.н., профессор,
Сурков К.В., д.ю.н.

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор,
член-корреспондент РАО,
заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:
Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:
Швечкова О.А., к.ю.н.

Редакция: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

Тел./факс редакции: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 — многоканальный

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2

Тел. (4842) 70-03-37

Формат 170x252 мм.

Печать офсетная.

Физ. печ. л. 3,0. Усл. печ. л. 3,0.

Общий тираж 3000 экз.

ISSN 2072-4411

Цена свободная.

Подписка по России:

«Объединенный каталог

Пресса России» — 88528

Номер подписан в печать: 26.10.2020.

Номер вышел в свет: 05.11.2020.

В НОМЕРЕ:

СТРАНИЧКИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Колоколов Н.А. Еще раз об искусственном интеллекте
в правосудии 3

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК

Корчаго Е.В. Уголовно-процессуальный запрет на покаяние
делает его бессмысленным 6

ПРЕНИЯ СТОРОН

Цветков Ю.А. Не последнее слово о прениях сторон
и последнем слове подсудимого 11

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Аширбекова М.Т., Попова Л.В. К вопросу о специализации
производства по уголовным делам в отношении
предпринимателей 16

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ

Закомодин А.В., Дуюнов В.К. Об уголовно-процессуальном
принуждении как составляющей механизма
уголовно-правового воздействия 21

ПРИНЦИПЫ

УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Чурсина И.В. Принципы уголовного судопроизводства 26

ЭТИКА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Черемисина Т.В. Взаимодействие следователя и прокурора:
этический аспект 31

КОРРЕКЦИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Склярченко М.В. Системная коррекция судебных решений
по конкретному уголовному делу: общее и особенное 36

ОРГАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

В ТАДЖИКИСТАНЕ

Рахмаджонзода Р.Р. (Юлдошев Р.Р.) Теоретическое осмысление
содержания уголовного преследования
в Республике Таджикистан 41

НАШИ РЕЦЕНЗИИ

Орлова А.В. Философия следственной деятельности 45

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного
разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал включен в базу данных Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ).

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Criminal Judicial Proceeding

No. 4/2020

SCIENTIFIC-PRACTICAL
INFORMATION PUBLICATION

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH
THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE. Reg. P1 № FC77-29334 of August 24, 2007.
Published quarterly since 2005.

*Recommended by the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publications
of basic results of PhD and doctor theses.*

Founder: Jurist Publishing Group

Chairman of the Editorial Board:
Kolokolov N.A., LL.D., Professor

Editorial Board:

Azarov V.A., LL.D., Professor,
Aleksandrov A.I., LL.D., Professor,
Voskobitova L.A., LL.D., Professor,
Gir'ko S.I., LL.D., Professor,
Golovko L.V., LL.D., Professor,
Gurov A.I., LL.D., Professor,
Kaplina O.V., LL.D., Professor (Ukraine),
Kovtun N.N., LL.D., Professor,
Lazareva V.A., LL.D., Professor,
Moskal'kova T.N., LL.D., Doctor of Philosophy, Professor,
Osmanov T.S., PhD (Law),
Polyakov M.P., LL.D., Professor,
Popov I.A., LL.D., Professor,
Sal'nikov V.P., LL.D., Professor,
Surkov K.V., LL.D.

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., Professor, Corresponding Member
of the RAE, Honored Lawyer of the RF

**Deputy Editors in Chief
of Jurist Publishing Group:**

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E' N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific Editing and Proof-Reading:
Shvechkova O.A., PhD (Law)

Editorial Office:

Lapteva E.A., Solovyova D.V.
Tel./fax: (495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Address publishers / editors:
Bldg. 7 26/55 Kosmodamianskaya Emb.,
115035, Moscow

Editorial Subscription Centre:
(495) 617-18-88 — multichannel

Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031
Tel. (4842) 70-03-37
Size 170x252. Offset printing.
Printer's sheet 3,0.
Conventional printing sheet 3,0.
Circulation 3000 copies.
ISSN 2072-4411.
Free market price.

Subscription in Russia:
Unified catalogue.
Russian press — 88528

Passed for printing: 26.10.2020.
Issue was published: 05.11.2020.

CONTENTS:

PAGES OF THE CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

Kolokolov N.A. Once Again on Artificial Intelligence in Justice..... 3

SPECIFIC PROCEDURE

Korchago E.V. Criminal Procedure Prohibition
of Penance Makes It Senseless 6

HEARING OF ARGUMENTS

Tsvetkov Yu.A. Some More on the Hearing of Arguments
and the Final Plea of the Defendant..... 11

SPECIFIC FEATURES OF THE PROCEDURE IN RESPECT OF ENTREPRENEURS

Ashirbekova M.T., Popova L.V. On the Issue of Specialization
of Criminal Case Proceedings in Respect of Entrepreneurs..... 16

CRIMINAL PROCEDURE COMPULSION

Zakomoldin A.V., Duyunov V.K. On Criminal Procedure
Compulsion as a Component of the Mechanism
of Criminal Law Influence 21

CRIMINAL PROCEDURE PRINCIPLES

Chursina I.V. Criminal Procedure Principles..... 26

CRIMINAL PROCEDURE ETHICS

Cheremisina T.V. Interaction of the Investigator and the Prosecutor:
Ethical Aspect 31

CORRECTION OF COURT RULINGS

Sklyarenko M.V. Systemic Correction of Court Rulings
on a Specific Criminal Case: Common and Specific Features..... 36

ARRANGEMENT OF CRIMINAL PROSECUTION IN TAJIKISTAN

Rakhmadzhonzoda R.R. (Yuldoshev R.R.) Theoretical Understanding
of the Content of Criminal Prosecution
in the Republic of Tajikistan 41

OUR REVIEWS

Orlova A.V. Philosophy of the Investigative Activities 45

Complete or partial reproduction of materials without written
permission of authors of the articles or the editorial office shall
be prosecuted in accordance with law.
The Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.
Authors shall not pay for publication of their articles.

Еще раз об искусственном интеллекте в правосудии

Колоколов Никита Александрович,
доктор юридических наук
nikita_kolokolov@mail.ru

Приводятся рассуждения относительно перспектив использования искусственного интеллекта в судопроизводстве.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судопроизводство, уголовный процесс, громкие дела.

Once Again on Artificial Intelligence in Justice

Kolokolov Nikita A.
LL.D.

The author discusses the prospects of using artificial intellect in court proceedings.
Keywords: artificial intelligence, court proceedings, criminal process, notable cases.

«Очень скоро технологическая революция может вытеснить с рынка труда миллионы работников и образовать многочисленный класс лишних людей»¹, «через какие-нибудь 10–20 лет миллиарды людей станут не нужными для экономики»². «Чем яснее мы понимаем механизмы биохимических процессов, лежащих в основе человеческих эмоций, желаний и поступков, тем успешнее компьютеры анализируют поведение человека и предсказывают его решения, заменяя водителей, банкиров, юристов»³. Свое повествование мы начали с цитирования мыслей футуролога Юваля Ноя Харари, которые были им сформулированы на основе анализа результатов информационной революции, захватившей все население земного шара на рубеже второго и третьего тысячелетий.

Информационные технологии продвинулись необычайно далеко, появились понятия «умный дом», «умный автомобиль» — системы, руководимые электроникой, иными словами — искусственным интеллектом (далее — ИИ). В текущий момент

времени можно констатировать, что ИИ изо дня в день, неутомимо и, что немало важно, успешно решает за человека множество когда-то обременительных для него задач.

Уже в наши дни «умные электронные судьи» без личного участия сотрудников автоинспекции также успешно и очень оперативно выявляют нарушения норм права, допускаемые, например, водителями, уверенно штрафуют правонарушителей (ч. 2 ст. 12.9, ч. 1 ст. 12.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях; КоАП РФ). При таких обстоятельствах мы не видим никаких существенных препятствий заявить, что ИИ тоже уже пришел в правосудие. Скажем больше, роль его в отправлении данного вида государственной деятельности будет только возрастать, ибо даже в текущий момент времени ничто не мешает делегировать машине те функции, которые сейчас с великим трудом пытаются разрешить создатели ЭВМ — люди.

О некоторых проблемах использования ИИ в судопроизводстве мы уже писали⁴.

¹ Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. М., 2019. С. 39.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 41.

⁴ Колоколов Н.А. Компьютер вместо судьи — арифметика вместо души // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 3–7.

«Громкие дела»: как бы без человека их рассмотрела машина?

Например, попробуем через призму видения событий компьютером проанализировать два последних «громких» уголовных дела. Первое — в отношении Кокорина, Мамаева и Протасовицкого, второе — в отношении Ефремова. База для работы электроники — объективная фиксация имевших место событий многочисленными видеокамерами: лучших доказательств в уголовном процессе не пожелаешь⁵. Объем снятого материала настолько велик, что он явно больше тех отрывочных сведений, которые сначала следователю, а затем и суду сообщили свидетели.

Скажем больше, по делу Кокорина и др. уже на стадии предварительного расследования выяснилось, что в отличие от видеозаписей показания свидетелей оказались фрагментарными и непоследовательными. При таких обстоятельствах для «освежения» памяти допрашиваемых следователи были вынуждены в процессе допросов демонстрировать им видеозаписи. Совершенно очевидно, что в данной ситуации человек, рассказывая о событиях, которые он когда-то давнонаблюдальнаместе Происшествия, волеяневолей корректировал свои впечатления путем сопоставления содержащегося в памяти с тем, что он увидел по телевизору, а также с тем, что ему показал следователь. Совершенно не случайно сторона защиты констатировала, что такие показания не обладают свойством допустимости.

Парируя данный довод, Московский городской суд, например, в своем апелляционном приговоре от 13 июня 2019 г. был вынужден записать: «Факт демонстрации в ряде случаев в процессе допросов свидетелей видеозаписей не ставит под сомнение достоверность их показаний и не является основанием для их исключения из перечня доказательств, тем более свидетели давали показания о непосредственно наблюдаемых ими обстоятельствах, ориентируясь на собственные воспоминания и впечатления, что

⁵ Зеленов Д. Потерпевший продолжил силовые действия в отношении Мамаева и повалил его на стол. Речь адвоката, убедившая суд отменить приговор — без купюр. URL: <https://www.sport-express.ru/football/rfpl/reviews/pochemu-sud-otmenil-prigovor-mamaevu-i-kokorinu-rech-advokata-1672256/>

и было подтверждено свидетелями в ходе судебного следствия. В связи с чем судебная коллегия признает показания указанных лиц допустимыми доказательствами»⁶.

По большому счету нет ничего удивительного в том, что данный приговор, в муках выстраданный людьми, облеченными в судебские мантии, 13 мая 2020 г. был отменен Вторым кассационным судом, в первую очередь потому, что чиновники (следователи, прокуроры и судьи) изначально увидели (не захотели увидеть) то, что не зафиксировали камеры, а именно тот факт, что стул в руках Кокорина, трансформирующий конфликт между мужчинами из дела частного обвинения в дело обвинения публичного, был только один — ни Мамаев, ни Протасовицкий к нему не прикасались. Следовательно, в деле хулиган также только один — «вооруженный стулом» Кокорин, а оба его спутника рядовые драчуны, бузотеры, действия которых, как считает сторона защиты, не вышли за пределы правонарушений, очерченных КоАП РФ⁷.

Вопрос: для чего по делу Кокорина и др. были нужны органы предварительного расследования, прокуроры и адвокаты? Для того чтобы подсчитать удары, нанесенные каждым из обвиняемых? Очевидно, что «машина» сделала бы это и быстрее, и точнее. Скажем больше, подсчитывая удары, нанесенные стулом, она бы бесстрастно констатировала: бил только один Кокорин. Очевидно и то, что у нее не было бы соблазна в группу к нему добавить обоих его спутников.

Не исключено, что в этом месте у некоторых читателей появятся возражения, но ведь Кокорин был не один, он действовал в группе, что, бесспорно, придавало кумулятивный эффект им содеянному? Да, это так, однако вернемся к закону в его нынешней редакции. В целях существенного сокращения числа осужденных отечественный законодатель «похоронил» уголовно-правовые категории «особая дерзость» и «исключительный цинизм». В уголовной политике возобладал принцип утилитаризма: удар по телу человека — это материально. Важен ли при таких обстоятельствах мотив? Авторы демонтажа

⁶ См., например: Апелляционный приговор Московского городского суда от 13 июня 2019 г. // Электронный архив Московского городского суда за 2019 г.

⁷ См.: Зеленов Д. Указ. соч.

«советского» хулиганства утвердительного ответа на данный вопрос не дали⁸.

Аналогична ситуация и по делу Ефремова после долгих слушаний осужденного 8 сентября Пресненским судом г. Москвы. Совершенно очевидно, что одна ЭВМ уже в момент ДТП выдала бы информацию: «Черный 'Jeep' пересек сплошную линию дорожной разметки и выехал на полосу встречного движения, где столкнулся с автомобилем ВАЗ». Вторая ЭВМ после введения в нее дополнительных данных: «За рулем 'Jeep' был находившийся в состоянии алкогольного опьянения Ефремов, а водитель ВАЗа погиб» — мгновенно квалифицировала бы содеянное виновным по ч. 4 ст. 264 Уголовного кодекса РФ и, «не отходя от кассы», также мгновенно назначила бы ему «справедливое» наказание.

Проблемы дня нынешнего

1. Рассуждения по поднятой нами проблеме следует начать с разграничения понятий «достижения НТР в делопроизводстве» и «искусственный интеллект» (ИИ). Что касается достижений НТР, то сомнений нет, они, как говорится, налицо. Что же касается ИИ, то четкого определения этого понятия в юридической науке пока нет, а юриспруденция требует правовой определенности. Можно ли поручить отправлять правосудие тому субъекту, о котором в отличие от живого судьи мы знаем крайне мало? Думается, что нет! В то же время очевидно, что данный вопрос будет снят с повестки дня в самое ближайшее время. Человек тоже машина, только в отличие от компьютера — машина, созданная матушкой-природой, которая сподобила свое творение — человека создать ИИ.

Человеческая деятельность — алгоритм, причем на 99% рутинная, бесконечное повторение прошлого опыта. Что мешает боту повторить то, чему его обучили?

2. Уровень развития технологий судопроизводства, в основе которого пока еще относительно незыблемыми провозглашены на заре промышленной революции принципы непосредственности и устности, сохранился на уровне XIX в. Заметим, на уровне Акакия Акакиевича в основном

⁸ Подробнее см. о проблеме: Колоколов Н.А. Хулиганство: апофеоз эволюции — особая дерзость абордажа // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 1 (5). С. 153–174.

работают и все сервисные структуры, обслуживающие судебную деятельность. Совершенно очевидно, что формы и методы данных видов человеческой деятельности устарели. Давно настала пора допустить достижения НТР к системе судопроизводства.

Что мешает продвижению достижений НТР в практику?

1. Люди, которые, как и всегда, в машинах видят конкурентов! Речь идет о морально-деловых качествах лиц, обслуживающих судебную деятельность, начиная от законодателя, формирующего правовую базу процесса, заканчивая его рядовым участником (истец, ответчик). Люди в основной массе — консерваторы, они не хотят нового! Не спешат даже с применением тех законов, которые уже есть.

Например: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти». Цель данного акта — трансформировать Акакия Акакиевича в совершенного клерка. Результат не достигнут. Причина: читаем последние слова в данной норме — «**при наличии технической возможности в суде**».

2. Как видим: закон есть — результат «ноль» — нет материально-технической базы. Впрочем, техническая база — дело наживное, она совершенствуется буквально на глазах.

3. Но ведь существует масса других видов деятельности, которые по отношению к правосудию выполняют сервисные функции. Там не то что компьютеров, нет пока и закона.

Для приведения судебной деятельности с требованиями века XXI необходимо:

1. Создание законодательной базы.
 2. Создание материально-технической базы.
 3. Кадры решают все!
- Решение данных трех задач позволит для начала подтянуть процесс к реалиям современности, только после этого можно говорить соответственно об АТ-правосудии.
4. Документы в суд: объем ограничен в мегабайтах.
 5. АТ-правосудие (для приличия назовем его квазиправосудие) уже существует: миллионы штрафов в месяц за нарушение ПДД.

С чего начать?

С разработки формализации алгоритмов подготовки материалов для рассмотрения их ЭВМ без вмешательства человека.

Что выигрываем?

Убираем такую неизбежную составляющую человеческой деятельности, как произ-

вол. Машине человеческие слабости неизвестны! Это потолок!

Что теряем?

Человека! Совесть! Правосознание! Этого у машины нет. Почему, собственно, нет?

Литература

1. Колоколов Н.А. Компьютер вместо судьи — арифметика вместо души / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 3-7.
2. Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века / Ю.Н. Харари ; перевод с английского Ю. Гольдберга. Москва : Синдбад, 2019. 414 с.

Уголовно-процессуальный запрет на покаяние делает его бессмысленным

Корчаго Евгений Викторович,
член Совета при Председателе Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации
по взаимодействию с институтами гражданского общества,
председатель коллегии адвокатов города Москвы
«Старинский, Корчаго и партнеры»
korchago@mail.ru

Автор — практик с 20-летним стажем, хорошо изучивший процесс уголовно-процессуального доказывания как со стороны обвинения (оперативный сотрудник органов внутренних дел), так и со стороны защиты (адвокат), излагает свою точку зрения по факту внесения Федеральным законом от 20 июля 2020 г. № 224-ФЗ изменений в раздел X «Особый порядок судебного разбирательства», главу 40 Уголовно-процессуального кодекса РФ «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным».

Ключевые слова: уголовный процесс, «особое» и «обычное» судебное разбирательство.

Criminal Procedure Prohibition of Penance Makes It Senseless

Korchago Evgeniy V.
Member of the Council for Cooperation with Civil Society Institutions
under the Chairman of the Federation Council
of the Federal Assembly of the Russian Federation
Chairman of the Starinskiy, Korchago and Partners Moscow Bar Association

The author is a practical specialist with a 20-year experience, who has deeply studied the criminal proceeding proving both on the prosecution part (field agent of the internal affairs bodies) and the defense part (attorney) and states his opinion on amending Section X Special Procedure of Judicial Proceedings of Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation Special Procedure for the Adoption of a Court Judgment upon Defendant's Consent with Brought Charges by Federal Law No. 224-ФЗ, dated July 20, 2020.

Keywords: criminal proceedings, special and common court proceedings.

Наши рассуждения начнем с обращения к читателю с вопросом: каково, по его мнению,

главное предназначение уголовного судопроизводства? Ответ на данный вопрос уже не-

однократно пытался дать российский законодатель. Например, согласно ст. 2 Уголовного кодекса (УК) РСФСР¹ «Задачи уголовного судопроизводства» авторы кодекса в первую очередь видели «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и назначение им справедливого наказания» (ч. 1).

Представляется, что несколько точнее данный вопрос был изложен в «Курсе уголовного процесса», подготовленном одним из неофициальных авторов Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РСФСР 1960 г. профессором М.С. Строговичем, который «цель уголовного процесса видел, прежде всего, в установлении истины»². Некоторые современники М.С. Строговича, например, Н.Н. Полянский на уголовный процесс смотрели «прежде всего лишь как на средство для наказания преступника»³. Их предшественники — учителя, те вообще, не стесняясь, писали: «Суды — есть не более чем упорядоченная форма расправы»⁴.

Итак, цель уголовного судопроизводства в 20–90-е гг. XX в. и законодателем, и российскими учеными толковалась не иначе как «расправа над правонарушителем», при этом, правда, не отрицалось, что для обеспечения видимой законности этого процесса в первую очередь следует установить истину.

Впрочем, кое-что в те годы говорилось и о других целях, но об этом писалось как-то вскользь, аморфно; упоминается о таких абстрактных категориях, как «укрепление социалистической законности, воспитание граждан, уважение правил социалистического общежития» (ч. 2). В Научно-практическом комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1963 г. со ссылками на Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г. по этому поводу читаем: «Граждан следует воспитывать в духе преданности Родине и делу коммунизма»⁵. Констати-

ровалось, что суд, применяя уголовное наказание, «не только карает, но и преследует цель исправления и перевоспитания виновных»⁶.

Примечательно, что к теме «всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела» авторы УК РСФСР образца 1960 г. обращаются дважды, об этом они писали также в ст. 20. Заметим, отсутствие аналогичной нормы в действующем УПК многими современными процессуалистами воспринимается как трагедия: что же следователю и суду устанавливать как не истину.

Авторы действующего УПК РФ 2001 г., формулируя «Назначение уголовного судопроизводства» (ст. 6), впадают в другую крайность: о необходимости «быстроты» и «полноты» процесса они уже вообще ничего не пишут. В названной норме речь идет строго о защите неких абстрактных прав участников процесса.

Правда, авторы Научно-практического комментария к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации 2014 г. все же упоминают, что «цели процесса отражают его две важнейшие функции — право-восстановительную и превентивную»⁷.

Чего же мы не видим как в отечественной доктрине, так и принятом на ее основе законе? Ответ очевиден: стремления к восстановлению гражданского мира! Не будем спорить, оперативное раскрытие преступления, наказание виновного — цель важная, однако в правоохранительной, правозащитной и судебной деятельности далеко не конечная! Основная цель общества — вернуть человека, совершившего преступление, обратно, в свои ряды.

Как известно, такое возвращение начинается с осознания виновным тяжести им содеянного, в официальном признании им вины, раскаянии, оказании помощи органам предварительного расследования и суду, максимально полном возмещении причиненного преступлением ущерба. При таких обстоятельствах главная цель законодателя — выработать эффективный алгоритм «наведения мостов» между государством и правонарушителем, между последним и по-

¹ УПК РСФСР был принят 27 октября 1960 г. и вступил в действие с 1 января 1961 г.

² Строгович М.С. Курс уголовного процесса. Т. I: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. С. 40.

³ Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М.: Изд. МГУ, 1956. С. 68.

⁴ Крыленко Н.В. Судостроительство. М., 1924. С. 16.

⁵ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М.: Юридическая литература, 1963. С. 9–12.

⁶ См.: Там же.

⁷ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев (автор комментария — О.В. Качалова). М.: Норма, 2014. С. 21.

терпевшим. На вопрос: в конфликте правонарушитель — потерпевший больше всего заинтересован в нормализации отношений? — профессор Н.А. Колоколов уверенно отвечает, что конечно же потерпевший, наделенный правом договариваться с виновным о размере компенсации, сроках ее выплаты⁸. Если у государства только исключительно одни свои публичные цели: как можно быстрее и как можно более сурово наказать правонарушителя, то сразу следует констатировать: ждать следователю и суду сотрудничества как с преступником, так и с жертвой преступления бесполезно, ибо они, в правоотношении лица права голоса по принципиальным вопросам не имеющие.

Институт Plea Bargaining, родина которого Соединенные Штаты Америки, предполагает, что между всемогущим государством и пойманном его всемогущим аппаратом правонарушителем может быть установлен взаимовыгодный диалог. Исторически сформировавшиеся за рубежом термины (например: Plea Bargaining и Plea and Cooperation Agreement), используемые для обозначения института «заключение взаимовыгодного соглашения о признании вины», на русский язык переводились не иначе как «сделка с правосудием» (коммерческое начало). При этом совершенно упускалось из виду, что основа будущего соглашения сторон — такое транснациональное понятие, как признание вины правонарушителем, мольба последнего о прощении, смягчении наказания. Не случайно современные зарубежные исследователи, для того чтобы правильно определить суть анализируемого нами соглашения, широко используют такое понятие, как мольба-торг⁹. Следовательно, его начало все же не чисто коммерческое, а гуманистическое, которое

⁸ См. об этом: Колоколов Н.А. Защита жертв преступлений: возможные пути совершенствования процессуального закона // Материалы расширенного заседания Ученого совета НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. М., 1999. С. 14-17.

⁹ См. об этом подробнее: Garoupa, Nuno (Professor of Law and Economics, Faculdade de Economia, Universidade Nova de Lisboa), Stephen, Frank H. (University of Manchester) Law and Economics of Plea-Bargaining. Manchester, 2006.

не чуждо даже авторам УК РФ (ст. 7), именно в этом сакральный смысл покаяния¹⁰.

Принятие УПК РФ было сопряжено с рецензией анализируемого института в ткань российского судопроизводства под названием «Особый порядок судебного разбирательства» (раздел X). Трудно отрицать, что институт Plea Bargaining у нас прижился, не случайно некоторые процессуалисты уже его именуют не особым, а основным. Судебная практика свидетельствует, что особый порядок судебного разбирательства доказал свою жизнеспособность, подавляющее число потерпевших и обвиняемых выбирают именно его.

Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 224-ФЗ лишил обвиняемого права заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке по уголовным делам о тяжких преступлениях (ч. 1 ст. 314 УПК РФ).

Не будем спорить, определенная логика в этом есть, так как по общему правилу сокращенное (упрощенное) расследование (дознание) обычно применяется по очевидным делам о преступлениях, не являющихся тяжкими, а тем более особо тяжкими. Совершенно очевидно, что ни о каком соглашении государства с правонарушителем не может быть и речи, если последний вину отрицает, а об обстоятельствах инкриминируемого ему деяния органы предварительного расследования имеют весьма смутное представление. Следствие в этом случае обязано самостоятельно установить истину по делу, поскольку надеяться на помощь преступника бесполезно.

Совсем другое дело, когда тяжкое преступление, а то и особо тяжкое совершено в условиях очевидности, имевшие место события зафиксированы многочисленными видеорекамерами, свидетели запомнили все нюансы в действиях виновного, да и он сам не только не отрицает очевидного, но и готов сотрудничать как со следователем, так и с потерпевшим. Возникает вопрос: почему уголовно-процессуальный закон в данной ситуации практически полностью отказывает виновному в праве на сотрудничество,

¹⁰ См. подробнее: Колоколов Н.А. Институт Plea Bargaining в России: оправдан ли шаг назад? // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. С. 3-10.

особенно если закон уголовный такое сотрудничество не только не запрещает, но и поощряет (явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления, — п. «и» ч. 1 ст. 61, ст. 62, 63.1, 64, 65 УК РФ).

Как относиться к внесению изменений в ч. 1 ст. 314 УПК РФ? Позиций по данному вопросу две: приветствовать или сожалеть. Приверженцы первой точки зрения, в основном это чистые теоретики, считают, что законодатель исправил ошибку, допущенную им в далеком 2003 г. (Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92 ФЗ)¹¹. Их оппоненты считают иначе, так как документального подтверждения вредности особого порядка по делам о тяжких преступлениях нет¹².

Некоторыми авторами вообще высказываются весьма спорные суждения. Например, главный редактор журнала «Уголовный процесс» И. Рамазанов, приводя слова заместителя Председателя Верховного Суда В.А. Давыдова, отмечает, что сузить категорию преступлений особого порядка необходимо для уменьшения ошибок судопроизводства по уголовным делам. «Если количество правосудия не поднимется, то в общий порядок могут перейти уголовные дела о преступлениях средней тяжести»¹³.

Далее И. Рамазанов пишет: «Изменения в УПК означают, что у следователей, прокуроров, судей и адвокатов будет больше работы. Не все представители правоохранительных органов рады нововведению. Но уверен, что адвокаты поприветствуют

расширение возможностей для полноценной защиты»¹⁴.

Трудно сказать, каких адвокатов имел в виду И. Рамазанов, мы же констатируем: радоваться нечему, ибо полностью утрачен некогда эффективный процессуальный механизм налаживания контактов между защитой и обвинением по делам о тяжких преступлениях. К делам данной категории, между прочим, относятся дела о преступлениях в хозяйственной сфере. Лица, совершившие преступления экономической направленности, совсем не отъявленные злодеи, а вполне интеллигентные люди, суть содеянного которыми балансирование на грани «законного» и «незаконного» в бизнесе. Мы, практики, уже фиксируем факты отказов сотрудничества таких лиц со следствием, у которого в таких случаях, как правильно пишет И. Рамазанов, работы существенно прибавилось.

Трудно не согласиться с О.В. Качаловой в том, что «ни у одного обвиняемого нет гарантированного права на особый порядок»¹⁵, мы уже выше отмечали, что речь в разделе X УПК РФ идет не о свободе договора (коммерции, как это многие представляют), а о мольбе виновного, заключающейся в его предложении компенсировать им содеянное.

Как известно, МВД разрабатывает новый «особый порядок», который уже прозвали «экспресс-дознанием». Авторы идеи предлагают «адаптировать уголовный процесс к современным условиям», избавить его «от избыточных дублирующих друг друга процедур по уголовным делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности и сложности в доказывании». В частности, поставлен вопрос об упразднении гл. 32.1 УПК «Дознание в сокращенной форме» и учреждении нового раздела VIII.1 «Особый порядок досудебного производства». Нечто подобное в истории уголовного процесса уже было, называлось это тогда протокольной формой¹⁶.

¹¹ Головки Л.В. Сокращение особого порядка — шаг в сторону нормализации уголовного процесса. URL: https://zakon.ru/blog/2019/4/15/sokraschenie_osobogo_poryadka_shag_v_storonu_normalizacii_ugolovnogogo_processa#_ftn2 (по сост. на 15.04.2019).

¹² Колоколов Н.А., Цветков Ю.А. 'Plea Bargaining': триумф или трагедия // Уголовное судопроизводство. 2020. № 2. С. 3–11 (в соавторстве с Ю.А. Цветковым); Колоколов Н.А. Институт Plea Bargaining в России: оправдан ли шаг назад? // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. С. 3–10.

¹³ Рамазанов И. Эпоха возрождения // Уголовный процесс. 2020. № 8. С. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Качалова О.В. Гарантированного права на особый порядок нет ни у одного обвиняемого // Уголовный процесс. 2020. № 9. С. 9.

¹⁶ Колоколов Н.А. Протокольная форма — новый вид расследования // Российская юстиция. 1998. № 2. С. 21.

Однако, если в рамках института Plea Bargaining «мольба» применить особый порядок — исключительное право виновного, инициаторы ребрендинга процессуальной формы считают, что для «упрощенки» будет достаточно письменного поручения начальника органа дознания, который решит, что «причастность лица к совершению преступления очевидна и доказывание не представляет сложности»¹⁷.

¹⁷ См. об этом: Для УПК разрабатывается новый «особый порядок» // Уголовный про-

цесс. 2020. № 9. С. 6; МВД захотело экспресс-дознания // Право.ру. 2015. 3 февраля.

цесс. 2020. № 9. С. 6; МВД захотело экспресс-дознания // Право.ру. 2015. 3 февраля.

Литература

1. Головки Л.В. Сокращение особого порядка — шаг в сторону нормализации уголовного процесса / Л.В. Головки // *Zakon.ru*. 2019. 15 апреля.
2. Колоколов Н.А. 'Plea Bargaining': триумф или трагедия / Н.А. Колоколов, Ю.А. Цветков // *Уголовное судопроизводство*. 2020. № 2. С. 3-11.
3. Колоколов Н.А. Защита жертв преступлений: возможные пути совершенствования процессуального закона / Н.А. Колоколов // *Проблемы защиты жертв преступлений: материалы расширенного заседания Ученого совета НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ* / А.Д. Бойков, Е.Н. Викторова, И.Ф. Демидов; ответственный редактор А.Я. Сухарев. Москва, 1999. С. 14-17.
4. Колоколов Н.А. Институт Plea Bargaining в России: оправдан ли шаг назад? / Н.А. Колоколов // *Уголовное судопроизводство*. 2020. № 3. С. 3-10.
5. Корчаго Е.В. Институт раннего признания вины (early guilty plea hearing): перспективы его формирования в России / Е.В. Корчаго // *Следствие в России: три века в поисках концепции: материалы научно-практической конференции* (г. Москва, 12 октября 2017 г.) / под общей редакцией А.И. Бастрыкина. Москва: Московская академия Следственного комитета РФ, 2016. С. 133-137.
6. Следственная деятельность. Книга третья. Plea Bargaining: монография / под редакцией Н.А. Колоколова. Москва: Юрлитинформ, 2021. 264 с.
7. Garoupa, N. Law and Economics of Plea-Bargaining / N. Garoupa, F.H. Stephen // *SSRN Electronic Journal*. 2006. July. 28 p.

Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа «Юрист»» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае, если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.
2. Дословное копирование более 10 процентов работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.
3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 процентов оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.
4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

Не последнее слово о прениях сторон и последнем слове подсудимого

Цветков Юрий Анатольевич,
заведующий научно-исследовательским отделом
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
yutsvet@yandex.ru

В статье через призму доктрины уголовного процесса, в том числе идеи о непрерывности судебного разбирательства, анализируются возникающие на практике проблемы реализации положений законодательства, регламентирующих прения сторон и последнее слово подсудимого.

Ключевые слова: прения сторон, последнее слово подсудимого, непрерывность судебного разбирательства, перерыв в судебном заседании, отложение судебного разбирательства.

Some More on the Hearing of Arguments and the Final Plea of the Defendant

Tsvetkov Yuriy A.
Head of the Research Department of the Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

The article through the prism of the doctrine of criminal process, including ideas about the continuity of the trial, analyzes the encountered problems in practice the implementation of the provisions of the law regulating pleadings and the last word of the defendant.

Keywords: arguments of the parties, the last word of the defendant, continuity of the trial, break in the court session, adjournment of the trial.

Давным-давно известно нам,
Что жизнь — игра, мы в ней — актеры,
А наши реплики и споры —
Лишь дополнения к ролям.
Эрнест Цветков

Заключительный этап судебного разбирательства, который образуют прения сторон и последнее слово подсудимого, оставляет ощущение фальшивости. А.Р. Белкин, подвергнув данный этап тонкому юридическому анализу и найдя в его правовом регулировании много несостыковок, остается, тем не менее, верен своему исходному тезису — это важнейшая часть судебного разбирательства¹. И действительно, цена процес-

суальной ошибки для суда здесь — отмена приговора.

Слово «прения» происходит от старославянского «перети», то есть перечить, спорить. В них, казалось бы, заключена квинтэссенция состязательного уголовного процесса. Однако сами прокуроры в своей профессиональной лексике используют презрительный глагол: «отпреться» («Я уже отпрелся, можно и чай попить»). Автор в бытность свою стажером прокуратуры четко помнит свое первое участие в прениях. Готовился к ним до глубокой ночи: анализиро-

¹ Белкин А.Р. Еще о прениях сторон и последнем слове подсудимого // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. С. 29–34.

вал материалы, делал выписки, набрасывал тезисы, а в выступлении дал развернутый анализ доказательствам. И что же? Председательствующий всем своим видом показывал свое раздражение и подавал знаки, чтобы обвинитель быстрее завершал.

Значение, которое закон и доктрина придают прениям сторон и последнему слову подсудимого, явно несоразмерны тому влиянию, которое они оказывают на исход дела. Объяснение этому противоречию отчасти дает С.В. Романов. Он считает, что на уровне законодательного регулирования этого этапа произошло смешение подходов, используемых разными правовыми семьями. Прения — институт континентальной правовой семьи, в которой суд, игнорируя стороны, сам активно исследует доказательства и лишь на заключительном этапе предоставляет сторонам возможность развернуто выразиться. В то же время российский уголовный процесс воспринял англосаксонскую модель активного участия сторон в исследовании и оценке доказательств в ходе судебного следствия, поэтому в завершение им не остается сказать суду ничего нового². Примем пока это объяснение за основу и разберем ряд случаев, которые на этом этапе могут возникнуть на практике.

Начнем с вопроса, который, при всей его актуальности для практикующих судей, может показаться чисто «техническим», хотя на самом деле серьезно связан с доктриной. Судебное следствие завершено, однако рабочий день закончился либо стороны не успели подготовиться к прениям, а судья не запланировал резерв времени для подготовки приговора. Допустимо ли прервать судебное заседание непосредственно перед прениями сторон либо перед удалением суда в совещательную комнату? Вопрос носит доктринальный характер, поскольку выводит на такую категорию, как непрерывность судебного разбирательства.

По мнению Т.Ю. Вилковой, принцип непрерывности судебного разбирательства предполагает в том числе незамедлительность постановления судебного акта, т.е. недопустимость перерыва между окончанием судебного следствия, прениями сто-

рон и последним словом подсудимого³. Однако Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ), в отличие от его предшественников, начиная с Устава уголовного судопроизводства 1864 г., принципа непрерывности не воспроизвел. Отсутствует в нем и норма о перерыве в судебном заседании, если не считать новеллы 2013 г. о праве суда, находящегося при постановлении приговора в совещательной комнате, сделать перерыв для отдыха с выходом из нее (ст. 298 УПК РФ).

В гражданском процессуальном праве законодатель, сохранив понятие перерыва, с 2017 г. полностью отказался от принципа непрерывности. Отныне по начатому делу суд вправе объявить перерыв, во время которого может рассматривать не только гражданские, но и уголовные дела. Повторного рассмотрения исследованных доказательств после окончания перерыва не требуется (ч. 3 ст. 157 Гражданского процессуального кодекса РФ)⁴. Тем не менее, на практике перерывы в судебном заседании объявляются как в течение рабочего дня, так и по его завершении. Такие паузы неизбежны по чисто физиологическим причинам. Об этом делается отметка в протоколе с указанием времени, в течение которого заседание было прервано, и ни одна вышестоящая инстанция никогда не ставила такую практику под сомнение, при условии, что правило непрерывности, хотя в законе его и нет, было соблюдено. Получается, что в течение перерыва в судебном заседании по уголовному делу никаких других дел рассматривать нельзя, но само уголовное дело можно рассмотреть в перерыве, объявленном по гражданскому делу.

Правило о непрерывности обосновано тем, что у судьи должно сохраниться целостное восприятие дела. Тогда возникает вопрос: на какое время может быть объявлен перерыв? Одному неизвестному в 1990-х годах московскому судье, который

³ Вилкова Т.Ю. Непрерывность судебного разбирательства как межотраслевой принцип судопроизводства // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 94–104.

⁴ В редакции Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (часть I). Ст. 4809.

² Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Голловко. М.: Статут, 2016. С. 943.

занимался и продолжает сейчас, находясь в отставке, заниматься наукой, руководство ставило в упрек как раз такие длительные перерывы. Так, он мог объявить перерыв сразу после прений сторон перед последним словом подсудимого и уехать в другой город для участия в научной конференции. Сохраняется ли у судьи целостное восприятие дела, если перед последним словом подсудимого и удалением в совещательную комнату он участвовал в научной конференции и его сознание было полностью поглощено научными проблемами?

Вместо положения о перерыве в УПК РФ упоминается другой инструмент легитимного преодоления непрерывности — отложение судебного разбирательства. Однако перечень оснований для принятия такого решения установлен ч. 1 ст. 253 УПК РФ и является исчерпывающим. Их только два: неявка в судебное заседание кого-либо из вызванных лиц и (или) необходимость истребования новых доказательств. Каждое из этих обстоятельств должно состоять в причинной связи с невозможностью судебного разбирательства. Отложение судебного разбирательства не препятствует судье рассматривать другие дела. Соответственно, исходя из оснований для отложения судебного разбирательства, использование этого инструмента допустимо лишь до окончания судебного следствия. Поэтому по окончании судебного следствия судья обязан сразу перейти к прениям сторон либо, при наличии соответствующего ходатайства, объявить перерыв для подготовки сторон к прениям, в течение которого рассматривать другие дела он не вправе. Такой же перерыв судья вправе объявить и по ходатайству подсудимого для подготовки к последнему слову. Однако за последним словом суд сразу же обязан удалиться в совещательную комнату для постановления приговора.

Последнее слово подсудимого на самом деле последним не является. Заслушав последнее слово подсудимого, суд в соответствии с ч. 2 ст. 295 УПК РФ удаляется в совещательную комнату не сразу. Перед этим он объявляет время оглашения приговора. Следовательно, последнее слово в прямом его значении все-таки остается за председательствующим. Однако последним не только номинально, но и по сути становится на-

путственное слово председательствующего при рассмотрении дела с участием присяжных заседателей. Хотя ему и запрещено напрямую выражать свое мнение по вопросам, поставленным перед присяжными (ст. 340 УПК РФ), однако в изложении доказательств и позиций сторон он вполне может более подробно акцентировать внимание на одних доводах в ущерб другим.

Как следует поступить, если догмат о последнем слове подсудимого кем-то из сторон все-таки был нарушен? В практике автора имел место случай, когда потерпевший не смог совладать со своими эмоциями и в ответ на последнее слово подсудимого выступил с гневной отповедью. Потерпевшего пришлось прервать, разъяснить ему, что на последнее слово подсудимого реплик не допускается, и заново предоставить подсудимому право выступить, для того чтобы последнее слово все-таки осталось за ним, а не за противоположной стороной. Однако если бы мы так не сделали, при условии, что в протоколе судебного заседания реплика потерпевшего на последнее слово была бы отражена, то могло ли это быть признано существенным нарушением, влекущим отмену приговора? Ведь к таковым отнесено только непредоставление подсудимому последнего слова.

В практике автора произошла и другая ситуация: последнее слово было предоставлено подсудимой, однако в протоколе в силу технической ошибки этого указано не было, и копия его уже была выдана защитникам. Рассмотрение этого уголовного дела оказалось продолжительным и трудоемким, однако, несмотря на противодействие стороны защиты (заявление отводов по несколько раз в течение каждого заседания и т.д.), работу удалось выполнить качественно. Отмена приговора по такому делу из-за какой-то нелепой ошибки стала бы поражением правосудия. Мы обратили на эту ошибку внимание государственного обвинителя, и он представил замечания на протокол. Рассмотрение замечаний проводилось в присутствии обеих сторон, и, поскольку они подтвердили факт того, что подсудимая с последним словом выступала, председательствующий удостоверил их правильность. В дальнейшем суды вышестоящих инстанций приговор оставили в силе.

В данной статье приходится, к сожалению, вспоминать не о своих успехах, а об ошибках. Одна из самых серьезных ошибок, которую автор допустил на втором месяце работы судьей, состояла как раз в том, что из-за большого предновогоднего потока рассмотренных дел по одному из них он забыл предоставить подсудимому последнее слово. Он вспомнил об этом лишь тогда, когда уже удалился в совещательную комнату. Защиту осуществлял адвокат по соглашению, да и прокуроры всегда заинтересованы в показателях удовлетворенных представлений. Поэтому не приходилось рассчитывать, что стороны не обратят внимания на это упущение и не воспользуются им. Пришлось пойти на процессуальный риск. Председательствующий вышел из совещательной комнаты, возобновил судебное заседание и предоставил подсудимому последнее слово, после чего удалился в совещательную комнату и подготовил приговор. Уголовно-процессуальный закон не предусматривает возможности возобновить судебное заседание после удаления суда в совещательную комнату, но и не запрещает этого, равно как не запрещает вынести вместо приговора иное постановление. Так, по одному из дел о применении принудительных мер медицинского характера мировой судья только в совещательной комнате понял, что рассмотрел по существу уголовное дело, подсудное районному суду. Ни прокурор, направивший дело мировому судье, ни государственный обвинитель, ни защитник не обратили на это внимания. Соответственно, проведя судебное следствие, выслушав прения сторон и удалившись в совещательную комнату для вынесения приговора, председательствующий возвратился оттуда не с приговором, а с постановлением о передаче дела по подсудности. Ни в одном из этих случаев вышестоящая инстанция судебный акт не отменила.

Имеют ли прения сторон и последнее слово подсудимого какое-то юридическое значение? Суд напрямую не ссылается на их содержание в приговоре, а может лишь при оценке доказательств указать на те или иные доводы сторон и причины, по которым отвергает их. Даже при обосновании вида и размера наказания судья позиции сторон не приводит. Что касается последнего слова, то его содержание также доказательством не

является, хотя ничто не мешает подсудимому просто повторить в нем свои показания.

Наблюдения автора позволяют выделить три основные модели построения последнего слова подсудимого. Первая, наиболее часто встречающаяся, модель является фактической формой отказа от последнего слова. Большинство подсудимых говорят одну и ту же фразу: «Мне нечего сказать». Поскольку что-то они все-таки сказали, а прямого отказа от последнего слова не было, именно эта фраза и отражается в протоколе как последнее слово.

Вторая модель — это краткое повторение своей позиции, например, о том, что подсудимый вину признает, в содеянном раскаивается и просит строго его не наказывать. В одном случае подсудимый в обоснование своей версии о невинности решил поклясться на одной из священных книг. Председательствующий, сославшись на установленный Конституцией светский характер государства, не допустил совершения этого действия. Третья модель — это обращение к председательствующему с необычными просьбами. Так, обвиняемая в заведомо ложном сообщении об акте терроризма в последнем слове попросила направить ее для отбывания наказания в конкретную колонию, указав ее номер и адрес. Как позже пояснили сотрудники оперативного подразделения полиции, осужденная — лесбиянка. По освобождении она регулярно совершает аналогичные преступления, для того чтобы снова возвращаться к своей партнерше, которая отбывает длительный срок лишения свободы.

Очевидно, что в «коронном» суде ни прения сторон, ни тем более последнее слово подсудимого никакой юридической нагрузки не несут. Они формируют прежде всего обрядовую сторону процесса. Так почему же ошибки, допускаемые на данном этапе судебного разбирательства, имеют такую высокую процессуальную цену, как отмена приговора?

При рассмотрении уголовного дела по обвинению рецидивиста в грабеже функции секретаря судебного заседания выполняла новая сотрудница. Для того чтобы она четко уяснила структуру процесса и назначение его этапов, председательствующий (в лице автора статьи) провел его показательно эстетично. Доказательства, включая и материалы дела, исследовались предельно

осмысленно, потерпевший и все свидетели были тщательно допрошены, права и обязанности сторон тщательно разъяснены, все этапы четко обозначены. Подсудимый увлеченно участвовал в перекрестных допросах, прениях сторон и выступил с красивой речью в последнем слове. При этом никто из присутствующих ни минуты не сомневался в его виновности, да и сам он это прекрасно понимал. После оглашения приговора секретарь задала неожиданный, но точный вопрос: для кого весь этот спектакль, когда и так всем все ясно? Неужели только для самого подсудимого? Да, для подсудимого, который этим спектаклем, чувствуя себя в нем главным действующим лицом, неподдельно наслаждался. Разыгрывая каждый раз такой спектакль перед подсудимым, государство тем самым признает в нем личность гражданина и отдает ей дань уважения именно как гражданину. Но и не только для подсудимого.

Каждый пришел в юриспруденцию и судебную деятельность своим путем. Автор «на заре туманной юности» выбрал свой профессиональный путь благодаря двум книгам и одному художественному фильму. Первой такой книгой стала новелла Фридриха Дюрренматта «Авария». Один преуспевающий коммерсант, у которого по дороге домой сломалась машина, остается на ночь в небольшом швейцарском селении. Поскольку единственная гостиница оказалась занята участниками конференции, его принял в своем особняке старый судья в отставке. На ужин к судье пришли трое его друзей —

бывшие прокурор, адвокат и палач. Каждый вечер они играют в любимую игру всей своей жизни — в суд. Перед судом предстают заезжие незнакомцы либо, за их отсутствием, исторические личности. Коммерсант охотно принимает предложение поучаствовать в этой игре, но сразу же заявляет, что никаких преступлений не совершал, во что и сам искренне верит. Это заявление вызывает всеобщее веселье, и бывший прокурор произносит сакраментальную фразу: «Был бы обвиняемый, а преступление всегда найдется». По ходу допроса, сопровождающегося сменой изысканных блюд и дегустацией коллекционных вин, старые юристы устанавливают фактическую вину коммерсанта в смерти своего коллеги. Судья приговаривает его к смертной казни. Разгоряченный алкоголем и впечатленный неприятным открытием, гость поднялся в свою комнату и повесился. Старики глубоко расстроены его поступком. Новелла завершается словами прокурора, обращенными к повешенному: «Что же ты натворил, дружище, — ты испортил нашу лучшую ассамблею!»⁵ Если в юности вы не играли со своими друзьями в суд, вам, так же как и секретарю судебного заседания, не понять, для кого весь этот спектакль. Он для нас для всех. А без прений сторон и последнего слова подсудимого разве может состояться по-настоящему хорошая ассамблея?

⁵ Дюрренматт Ф. Авария // Дюрренматт Ф. Обещание : повесть, рассказы : пер. с нем. Р. Эйвадаса. СПб. : Азбука, 2016. С. 157–226.

Литература

1. Белкин А.Р. Еще о прениях сторон и последнем слове подсудимого / А.Р. Белкин // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. С. 29–34.
2. Вилкова Т.Ю. Непрерывность судебного разбирательства как межотраслевой принцип судопроизводства / Т.Ю. Вилкова // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 94–104.
3. Дюрренматт Ф. Авария // Дюрренматт Ф. Обещание : повесть, рассказы / Ф. Дюрренматт ; перевод с немецкого Р. Эйвадаса. Санкт-Петербург : Азбука, 2016. С. 157–226.
4. Курс уголовного процесса / под редакцией Л.В. Головки. Москва : Статут, 2016. 1278 с.

Уважаемые авторы!

Настоятельно рекомендуем тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статьи, правильность написания терминов, фамилий и работ цитируемых авторов.

К вопросу о специализации производства по уголовным делам в отношении предпринимателей

Аширбекова Мадина Таукеновна,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент
madina.55@mail.ru

Попова Людмила Владимировна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Волгоградской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
lygmila.2015@yandex.ru

Обосновывается, что назрели условия для выделения в законе специализированного вида процессуального производства по уголовным делам в отношении предпринимателей, преследуемых за преступления, совершенные в сфере хозяйственно-экономической деятельности.

Ключевые слова: сфера предпринимательской и иной экономической деятельности, предпринимательские преступления, критерии дифференциации, виды процессуального производства.

On the Issue of Specialization of Criminal Case Proceedings in Respect of Entrepreneurs

Ashirbekova Madina T.
Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure
and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
LL.D., Associate Professor

Popova Lyudmila V.
Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
PhD (Law)

It is proved that the conditions are ripe for the law to allocate a specialized type of procedural proceedings in criminal cases against entrepreneurs prosecuted for crimes committed in the sphere of economic activity.

Keywords: sphere of business and other economic activity, business crimes, differentiation criteria, types of procedural proceedings.

В последнее десятилетие уголовно-процессуальное законодательство активно и ощутимо подверглось «реновации» в части

нормативного определения порядка уголовного преследования предпринимателей в связи с вменением им так называемых «пред-

принимательских» преступлений. Конечно, термин «предпринимательские преступления» — неформальный, используемый для обозначения преступлений, совершаемых в сфере, которая названа в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «предпринимательской и иной экономической деятельности»¹. В результате либерализации уголовной политики круг этих преступлений получил в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ) обозначение одновременно с перечислением лиц, которые должны подпадать под определенное обережение в случае их уголовного преследования за таковые преступления (например, в ч. 3 ст. 20, ч. 3 ст. 28.1, ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ). При этом данные субъекты в нормах УПК РФ указываются не только в «привязке» с вменяемыми им явно «предпринимательскими» преступлениями (поскольку никто кроме предпринимателей не может быть их субъектом), но и с другими преступлениями, условно «общеуголовными» (поскольку они могут совершаться любыми лицами). Общий же перечень лиц, которые могут рассматриваться как субъекты преступлений, совершаемых в связи с предпринимательством, очерчивается также в приведенном выше Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48².

Но и уголовный закон дает представление о таких субъектах, относя к ним в недавно измененной редакции примечания № 1 к ст. 210 Уголовного кодекса РФ (УК РФ)³ учредителей, участников, руководителей, членов органов управления и работников организации, зарегистрированной в качестве юридического лица, и (или) руководителей, работников ее структурного подразделения. Иными словами, в целях ст. 210 УК РФ конкретизируется круг субъектов и ука-

зывается, что они не подлежат уголовной ответственности «только в силу организационно-штатной структуры организации и (или) ее структурного подразделения и совершения какого-либо преступления в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, за исключением случая, когда эти организация и (или) ее структурное подразделение были заведомо созданы для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений».

Надо отметить значимость названного примечания, поскольку дополнительное вменение перечисленным субъектам действий по организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) на практике позволяло «обойти» запрет на избрание к предпринимателям меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ). В этой связи приведенные в примечании положения не лишены уголовно-процессуального смысла, так как нацеливают на включение в предмет доказывания наличия или отсутствия признаков заведомого характера создания (регистрации) юридического лица с целью совершения экономических преступлений в сфере предпринимательской деятельности, выявления сути действий перечисленных субъектов, как предпринимаемых для управления коммерческой организацией, организации предпринимательской или иной экономической деятельности.

Так или иначе, к настоящему времени «накопилось» достаточное количество нормативных положений, устанавливающих особенности уголовного преследования предпринимателей, а именно в направлении установления для них повышенных (в сравнении с обычным порядком) уголовно-процессуальных гарантий. В этом плане вполне ожидаемыми оказались новые разъяснения Верховного Суда РФ⁴, отраженные в измененной редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48.

¹ О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 // Российская газета. 2016. 24 ноября.

² Российская газета. 2016. 24 ноября.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ // Российская газета. 2020. 6 апреля.

⁴ О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам : Постановление Пленума ВС РФ от 11 июня 2020 г. № 7 // Российская газета. 2020. 26 июня.

Не подвергая детальному анализу названное постановление, отметим, что в нем прямо указывается на *особенности* применения норм уголовного закона и реализации уголовно-процессуальных норм при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Верховный Суд РФ перечисляет эти особенности, отмечая, что они касаются порядка: рассмотрения сообщения о преступлении (ч. 7-9 ст. 144 УПК РФ); возбуждения уголовного дела (ч. 3 ст. 20, ч. 3 ст. 140 УПК РФ); признания предметов и документов вещественными доказательствами (ст. 81.1); применения меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ); производства следственных действий (ч. 4.1 ст. 164, ч. 1 ст. 164 УПК РФ); порядка прекращения уголовного преследования (ст. 76.1 УК РФ и ст. 28.1 УПК РФ).

Надо отметить, что эти особенности были предметом исследования в кандидатской диссертации Л.В. Поповой⁵, одного из авторов настоящей статьи. Обращаем на это внимание, поскольку подходы к сформированной в диссертации теоретико-нормативной модели рассматриваемого производства отражены в настоящей статье, а также, что приятно, не остались без внимания других ученых⁶.

Верховный Суд РФ, как видится, подтверждает оправданность идеи нормативного обособления данного производства в отдельной главе УПК РФ. Но такое обособление, то есть по примеру производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, установленного в гл. 52 УПК РФ, требует объяснения с позиции те-

ории дифференциации уголовно-процессуальной формы. Дело в том, что в структуре уголовного судопроизводства еще не было и нет отдельного вида специализированного производства, выделенного одновременно по критерию свойств обвиняемых (обусловленных родом их деятельности и связанных с этим их интересов) и критерию характера и состава вменяемого им преступления, сферы его совершения.

В этой связи возникает вопрос теоретического плана: почему следует руководствоваться одновременно этими критериями и вводить, соответственно, повышенные гарантии для обвиняемых из числа предпринимателей, но не по всем преступлениям, а только тем, что связаны именно с предпринимательской деятельностью?

Для ответа на этот вопрос, полагаем, нужно исходить из соображения о том, что запрос на охрану интересов предпринимателей возник объективно, «кристаллизуясь» и требуя своего учета в уголовной политике и, соответственно, в законодотворчестве. Все изменения и дополнения, вносимые в УПК РФ с целью установления тех или иных преференций для предпринимателей, носили практически непрерывный и системный характер. Это неудивительно, поскольку они инициировались бизнес-сообществом в своих интересах, так как для них уголовное преследование связано с возникновением рисков, сдерживающих реализуемую ими хозяйственно-экономическую деятельность, а иногда приводящих и к прекращению последней. Такие риски, понятным образом, в целом негативно влияют и на экономическую ситуацию в стране в плане занятости населения, поступления налогов в бюджет и т.д.

В этой связи потребность в повышенных гарантиях для предпринимателей, обвиняемых в преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, проявилась в силу необходимости нормализации экономического развития и инвестиционного климата страны посредством минимизации для представителей бизнес-сообщества репрессивных средств уголовного преследования, которые для общего порядка (то есть в отношении иных лиц) избыточными не считаются. Таким образом, все дело в свойствах и интересах субъекта (первый критерий) и характере

⁵ См.: Попова Л.В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. 280 с.

⁶ См., например: Сычев П.Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной деятельности: дифференциация по предмету или субъекту? // Закон. 2020. № 2. С. 132-140; Ряполова Я.П. Процессуальные возможности участия налогового органа на этапе возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. № 6. С. 93-101.

сферы совершения вменяемого преступления, позволяющего считать его предпринимательским (второй критерий).

Тут стоит добавить, что речь идет о «сцеплении» этих критериев в «жесткий состав» по аналогии с фактическими составами, начиненными первоначальными юридическими фактами, которые в раздельности не производят никакой эффекта. Так, если говорить о сугубо предпринимательских преступлениях, то есть тех, что указываются в уголовно-процессуальном законе (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ), без ссылки на то, что они совершены в сфере предпринимательской деятельности (поскольку это следует из состава преступления, например, фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации — ст. 172.1 УК РФ), то ясно, что критерием, причем уголовно-правового характера, выступает специфика субъекта преступления в силу наличия у него определенных свойств и интересов, связанных с его родом деятельности⁷. Но если вести речь о так называемых «общеуголовных» преступлениях, например сопровождаемых в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ оговоркой, что они совершены в сфере предпринимательской деятельности, то последнее во взаимосвязи с особенностями субъекта (родом его деятельности) также выступает критерием, но, думается, уголовно-процессуального характера. Это объясняется тем, что определение сферы, в которой совершено преступление, не влияет на его квалификацию, но зато подлежит учету как основание «подключения» всех тех повышенных уголовно-процессуальных гарантий, которые законодатель специально установил для обвиняемых из предпринимательского класса.

Тем не менее для характеристики этих критериев следует определиться с тем, откуда «вырастает» специфика субъекта, обусловленная его свойствами и интересами, как ее следует выявлять, если предприниматель обвиняется в общеуголовном преступлении, совершенном в сфере предпринимательской деятельности.

В судебной практике есть примеры, когда вмененное подсудимому преступление не признавалось как совершенное в сфере предпринимательской деятельности. Так, суд не согласился с доводами Ж. о том, что его

предприятие «вело хозяйственную деятельность, было легальным, выплачивались заработные платы сотрудникам, оплачивалась аренда складов и офиса, заключались договоры поставок с потерпевшими, преступления совершены им в связи с управлением имуществом, находящегося в экономическом обороте, при совершении гражданско-правовых сделок»⁸. Суд установил, что Ж. «ввел в заблуждение контрагентов, создавая видимость ведения финансово-хозяйственной деятельности, убедив их поставлять продукты питания с отсрочкой платежа, который после реализации продукции не осуществляли, а похищали и реализовывали»⁹.

В этой связи полагаем, что следует хотя бы в первом приближении определить-ся с общим понятием предпринимательских преступлений, для того чтобы рассматривать их как критерий и одновременно предмет для выделения отдельного вида производства в отношении предпринимателей. Но это возможно при осмыслении понятия «сфера предпринимательской и иной экономической деятельности» (в терминологии Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48).

Так, О.В. Гладышева считает, что вместо понятий «предпринимательская деятельность» и «экономическая деятельность» следует использовать термин «хозяйственная деятельность», так как он охватывает собой и предпринимательскую, и коммерческую деятельность¹⁰. Согласимся, что термин «хозяйственная деятельность» (без которого не обходится ни одно обращение к исследуемой нами проблематике) — удачный, поскольку он обозначает не только непосредственный процесс создания товара (продукции), но и организацию этого процесса со всеми сопутствующими условиями, связанными с менеджментом, кадрами, выплатой заработной платы, логистикой, соблюдением санитарной, технической безопасности ра-

⁸ См.: Постановление Верховного Суда РФ от 11 сентября 2017 г. № 5-УД17-120 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Там же.

¹⁰ Гладышева О.В. Правила уголовного судопроизводства в отношении предпринимателей: проблемы и пути их решения // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2018. Т. 28. № 1. С. 102.

⁷ См.: Указ. соч. С. 69.

ботников, окружающей среды и проч. Иными словами, хозяйственная деятельность, как думается, охватывает: 1) собственно производство предметов (вещей), выполнение работ или оказание услуг, где результаты последних, так же как и предметы (вещи, товары), являются объектами гражданских прав (ст. 128 Гражданского кодекса РФ; ГК РФ); 2) организацию по их производству, требующую исполнения управленческих функций.

Очевидно, поэтому в гражданском законодательстве говорится о регулировании отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, и лицами, участвующими в ней (ч. 1 ст. 2 ГК РФ). Кроме того, в ст. 23 ГК РФ, например, выделяются как различающиеся «производственная деятельность» и «иная хозяйственная деятельность», которые осуществляются в рамках предпринимательской деятельности¹¹.

Производственная деятельность и хозяйственная деятельность как таковые могут осуществляться и вне сферы предпринимательской деятельности, быть несистематическими. В таком случае они не приобретают экономического характера как деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Последнее (систематичность) может быть достигнута, если хозяйственная деятельность реализуется на условиях предпринимательства, что предполагает соответствующую государственную регистрацию субъекта предпринимательской деятельности, фиксирующую вид экономической деятельности такого субъекта. В этой связи

¹¹ См.: Попова Л.В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности. С. 64.

Литература

1. Гладышева О.В. Правила уголовного судопроизводства в отношении предпринимателей: проблемы и пути их решения / О.В. Гладышева // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2018. Т. 28. № 1. С. 101-105.
2. Попова Л.В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: диссертация кандидата юридических наук / Л.В. Попова. Волгоград, 2018. 280 с.
3. Ряполова Я.П. Процессуальные возможности участия налогового органа на этапе возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях / Я.П. Ряполова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9. № 6. С. 93-101.
4. Сычев П.Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной деятельности: дифференциация по предмету или субъекту? / П.Г. Сычев // Закон. 2020. № 2. С. 132-140.

предпочтительным, на наш взгляд, является термин «хозяйственно-экономическая деятельность», как отражающий существо процесса производства продукта или услуги, а также организацию их получения (персонал, оборудование, получение разрешительной документации и т.п.). А предпринимательство — организационно-правовое условие (форма) этой хозяйственно-экономической деятельности, позволяющее включать ее в экономические отношения с тем, чтобы государство могло осуществлять за ней необходимый контроль в значимых для него сферах (налогообложения, таможенных отношений, финансового контроля и т.п.)¹².

Таким образом, целесообразнее определять интересующую нас группу преступлений как хозяйственно-экономические преступления, совершенные предпринимателями в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности. Предпринимательство — и есть свойство, характеризующее род деятельности обвиняемого (подозреваемого), придающее специфику обвиняемому (подозреваемому) и подлежащее учету при определении вменяемого ему преступления как предпринимательского.

Думается, что для нормативного закрепления в целях использования при правоприменении уместно определять предпринимательские преступления как *преступления, совершенные в связи с хозяйственно-экономической деятельностью, направленной на непосредственное производство предметов, выполнение работ, поставки товаров и оказание услуг, являющихся объектами гражданского оборота, на управление таким производством, которые осуществляются в организационно-правовых формах предпринимательства, установленных федеральными законами.*

¹² См.: Указ. соч. С. 65.

Об уголовно-процессуальном принуждении как составляющей механизма уголовно-правового воздействия*

Закомолдин Алексей Валериевич,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
zakomoldin@mail.ru

Дуюнов Владимир Кузьмич,
профессор кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
dvk159@mail.ru

Статья посвящена уголовно-процессуальной составляющей механизма уголовно-правового воздействия, берущей свое начало в момент обнаружения преступления компетентными должностными лицами государства. Сделан вывод о том, что меры уголовно-процессуального принуждения следует рассматривать как элемент механизма уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие, содержание уголовной ответственности, обнаружение преступления, сообщение о преступлении, меры уголовно-процессуального принуждения, меры пресечения.

On Criminal Procedure Compulsion as a Component of the Mechanism of Criminal Law Influence

Zakomoldin Aleksey V.
Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure
of the Togliatti State University
PhD (Law), Associate Professor

Duyunov Vladimir K.
Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
of the Togliatti State University
LL.D., Professor

The article is devoted to the criminal procedure component of the mechanism of criminal legal influence, which originates at the time of detection of a crime by competent state officials. It is concluded that measures of criminal procedural coercion should be considered as an element of the mechanism of criminal legal influence.

Keywords: criminal-legal impact, content of criminal responsibility, detection of a crime, reporting of a crime, measures of criminal-procedural coercion, preventive measures.

Правильная реакция государства на совершенное преступление и достижение целей уголовно-правового воздействия возможны лишь при условии обнаружения преступле-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00141 А «Уголовно-правовое воздействие как реакция государства на преступления и преступность и его роль в обеспечении национальной безопасности России».

ния, его процессуальной фиксации, правильной квалификации и полноценного расследования¹, что предопределяет необходимость уделить отдельное внимание исследованию уголовно-процессуальной составляющей механизма уголовно-правового воздействия.

Именно в установленном уголовно-процессуальным законом порядке в результате обнаружения противоправного деяния происходит фиксация уже объективно сложившихся до этого момента правоотношений между государством и лицом, преступившим уголовно-правовой запрет. Значение данного момента сложно переоценить, поскольку только после официальной фиксации обнаружения преступления возможно наступление предусмотренных уголовно-процессуальным законом последствий в виде возбуждения уголовного дела, привлечения виновного лица к уголовной ответственности и т.д.

Возникает вопрос: с какого момента следует считать противоправное деяние обнаруженным государством в лице уполномоченных органов?

Анализ положений Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ)² позволяет выделить несколько процессуально значимых моментов, которые могут потенциально выступать в качестве такового: поступление сообщения о преступлении; проведение проверки сообщения о преступлении; вынесение обоснованного процессуального решения о возбуждении уголовного дела.

В научных публикациях непосредственно *поступлению* сообщения о преступлении не уделяется какого-либо особого внимания — авторами, как правило, анализируются разновидности сообщения о преступлении или, иными словами, поводы для возбуждения уголовного дела с учетом содержания понятия «сообщение о преступлении», раскрываемого законодателем в п. 43 ст. 5 УПК РФ³.

¹ Подробнее см.: Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М.: Научная книга, 2003; Дуюнов В.К. Правовое воздействие как реакция государства на правонарушение: общетеоретический и отраслевой аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2019; и др.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

³ См., напр.: Варнавский Д.А. Способы проверки сообщения о преступлении // Российский следователь. 2017. № 13. С. 7-9; Косенко А.М.

Следует отметить, что используемый законодателем оборот «сообщение о преступлении» не совсем точен и не может толковаться буквально, с учетом того, что до проведения проверки данного сообщения на наличие *признаков* совершенного преступления вопрос о том, является ли полученное сообщение действительно сообщением о преступлении или же сообщением об ином правонарушении, является открытым. Кроме того, в ряде случаев может оказаться, что в полученном сообщении отсутствуют признаки какого-либо правонарушения вообще. Поэтому оборот «сообщение о преступлении», с учетом сказанного, следует понимать как «сообщение о *предполагаемом* преступлении».

Тем не менее поступление такого сообщения, несмотря на отсутствие в момент его получения основания для возбуждения уголовного дела (которое может возникнуть лишь после проведения проверки данного сообщения, в соответствии со ст. 144 УПК РФ), создает юридическую предпосылку для возникновения уголовно-процессуальных правоотношений. Не случайно в ряде работ⁴, в том числе опубликованных в период действия УПК РСФСР 1960 г.⁵, исследователи говорят о сообщении о преступлении как юридическом факте, «наступление которого порождает у соответствующих субъектов обязанность принять предусмотренные законом уголовно-процессуальные меры»⁶.

То есть уголовно-процессуальный механизм приводится в движение с момента получения сообщения о преступлении, независимо от результатов такой проверки. По этой причине рассматривать проведение проверки сообщения о преступлении, а уж тем более вынесение обоснованного процессуального решения о возбужде-

Критический обзор системы поводов для возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1. С. 138-145; и др.

⁴ См., напр.: Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. М.: Госюриздат, 1961. С. 6; Кузьменко Е.С. Понятие повода к возбуждению уголовного дела // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. № 1-1. С. 16; и др.

⁵ Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

⁶ Практикум по советскому уголовному процессу. Вып. 2 / под общ. ред. В.Т. Томина и Г.Н. Козырева. Н. Новгород, 1991. С. 12.

нии уголовного дела в качестве момента обнаружения преступления, а также момента возникновения с этим связанных уголовно-процессуальных отношений неправомерно.

Для того чтобы должностные лица государства имели возможность на законном основании возбудить уголовное дело, требуется проведение проверки сообщения о преступлении, по результатам которой производится удостоверение в установленный срок наличия либо отсутствия в сообщении о преступлении признаков уголовно наказуемого деяния.

Как представляется, уголовно-процессуальные правоотношения в период проведения проверки уже возникают, как возникает и специфический субъект такой проверки, упомянутого законодателем в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, — «лицо, участвующее в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении», не наделенное внятым комплексом процессуальных правомочий, в отличие от полноправных участников этапа предварительного расследования.

Возбуждение уголовного дела, привлечение лица в качестве обвиняемого, избрание меры пресечения осуществляются в рамках реализации уголовно-процессуального правоотношения. Как верно отмечается в науке, все эти и другие процессуальные действия есть средство полного и всестороннего расследования дела, установления истины, охраны прав обвиняемого, но не реализации уголовной ответственности. Только обвинительный приговор суда, вступивший в законную силу, возлагает уголовную ответственность на лицо, действительно совершившее преступление⁷.

Исходя из изложенного, вопреки существующей, но подвергнутой объективной и убедительной критике точке зрения о том, что в содержание уголовной ответственности следует включать меры уголовно-процессуального принуждения⁸, представляется верным вывод о том, что данные меры находятся за

пределами правоотношения уголовной ответственности, но в пределах уголовно-процессуального правоотношения в рамках процессуальной обязанности государства расследовать совершенное преступление.

В этой связи возникает вопрос: можно ли рассматривать меры пресечения, выступающие разновидностью мер уголовно-процессуального принуждения, как часть механизма уголовно-правового воздействия?

Институту мер пресечения уделялось и продолжает уделяться значительное внимание в науке⁹, несмотря на это, остается широкий спектр неоднозначных подходов и толкований.

Примечательно, что законодателем ни в тексте УПК РСФСР 1960 г., ни в тексте действующего УПК РФ не были сформулированы цели, на достижение которых направлено применение мер пресечения, в связи с чем авторы, как правило, исходят в их определении из нормативных положений, связанных с основаниями применения мер пресечения (ст. 97 УПК РФ), хотя последние, безусловно, не равнозначны целям, на что обращает внимание В.М. Корнуков¹⁰.

Однако представляется обоснованным относить к разряду целей применения мер пресечения воспрепятствование лицу продолжать заниматься преступной деятельностью (п. 2 ч. 1 ст. 97 УПК РФ), что находит свое отражение в ряде научных работ, авторы которых в числе иных, в большинстве своем, превентивных целей выделяют вышеназванную цель¹¹. Именно эта цель в первую очередь является созвучной одной из целей уголовно-правового воздействия —

С. 50; Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М. : Юрид. лит., 1967. С. 34; и др.

⁹ См., напр.: Симагина Н.А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании (теория и современная практика) : дис. ... канд. юрид. наук М., 2019; Стельмах В.Ю. Виды ограничений, применяемых в рамках мер пресечения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (13). С. 145-154; и др.

¹⁰ Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. С. 74.

¹¹ Капинус Н.И. Процессуальные гарантии личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : монография. М. : ИД «Буквед», 2007. С. 42; Барабаш А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 186; и др.

⁷ Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания / под ред. Н.А. Беляева, В.К. Глистина, В.В. Орехова. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. С. 99-101.

⁸ Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. Мн. : Выш. шк., 1976; Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М. : Юрид. лит., 1974. С. 24-26; Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982.

обеспечить предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса РФ; УК РФ).

Независимо от того, что причастность лица, к которому применяется мера пресечения, к совершению противоправного деяния лишь предполагается, государство считает необходимым обеспечить путем применения меры пресечения превентивное, упреждающее воздействие, пресекающее продолжение возможной преступной деятельности со стороны данного лица, а также пресекающее совершение этим лицом нового преступления. Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 97 УПК РФ, мера пресечения может избираться также для обеспечения исполнения приговора — т.е. для обеспечения последующей эффективной реализации мер уголовно-правового воздействия.

Действуя исходя из целей уголовно-правового воздействия, государство, в лице соответствующих должностных лиц, предпринимает необходимые действия для достижения обозначенных целей, в связи с чем возможность применения к лицу, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления, меры пресечения можно и нужно рассматривать как элемент механизма уголовно-правового воздействия.

С одной стороны, избрание меры пресечения обозначено вышеназванной необходимостью и является частью механизма уголовно-правового воздействия, а с другой — это противоречит интересам конкретной личности в контексте ограничения ее прав и свобод. Значительную составляющую в вопросе обеспечения баланса интересов личности, общества и государства представляет нравственно-этическая сторона, определяющая этические границы допустимого превентивного воздействия. Причем речь в данном случае должна идти не просто о недопустимости применения противозаконных способов, что презюмируется, она должна идти об ограниченном применении *законных* средств превентивного воздействия в порядке досудебного производства.

Применение неоправданно жестких мер пресечения, чрезмерно ограничивающих права и свободы личности, неприемлемо по разным причинам. В первую очередь предположительный характер виновности лица в совершении преступления диктует необходимость крайне вдумчивого подхода к избра-

нию меры пресечения. С другой же стороны, даже если вовлеченное в качестве подозреваемого или обвиняемого в процесс производства по уголовному делу лицо будет в дальнейшем признано виновным в совершении данного преступления, применение к нему чрезмерного репрессивного воздействия вряд ли поспособствует достижению целей уголовно-правового воздействия и поможет вернуть данного индивида, в конечном итоге, обратно в социум, будучи способным адаптироваться и полноценно интегрироваться в общественную жизнь, не превращая его в чуждый элемент для общества и государства.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»¹² совершенно справедливо указывает на необходимость ограниченного применения наиболее строгих мер пресечения, в первую очередь акцентируя внимание судов на обоснованном применении заключения под стражу как самой жесткой по своему характеру меры пресечения.

Статистические данные последних лет, приведенные Агентством правовой информации, позволяют сделать вывод о постепенном снижении числа удовлетворенных судами ходатайств о применении наиболее строгих мер пресечения. Так, заключение под стражу в 2016 г. было применено в отношении 121 796 лиц; в 2017 г. суды удовлетворили 113 260 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу; в 2018 г. этот показатель снизился до 102 165, а в 2019 г. заключение под стражу было применено уже к 94 633 лицам, на которых направлено уголовное преследование¹³.

Относительно стабильными, с тенденцией к снижению, являются показатели практики избрания в качестве меры пресечения домашнего ареста. В 2016 году домашний арест применен судами в 6 056 случаях; в 2017 г. — в 6 442 случаях; в 2018 г. — в 6 329 случаях; в 2019 г. домашний арест применен уже лишь в 6 037 случаях¹⁴.

¹² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

¹³ Информационный портал «Агентство правовой информации Press». URL: <http://апи-пресс.рф> (дата обращения: 08.08.2020).

¹⁴ Там же.

Статистика применения залога говорит о незначительных показателях применения данной меры пресечения в последние годы с сохраняющейся тенденцией к снижению: в 2016 г. залог применен судами в 229 случаях; в 2017 г. — в 133 случаях; в 2018 г. — в 108 случаях; в 2019 г. залог применен судами всего лишь в 77 случаях¹⁵.

С 2018 года в связи с введением законодателем в систему мер пресечения новой меры в виде запрета определенных действий, призванной расширить спектр имеющихся мер пресечения и стать достаточно гибкой альтернативой заключению под стражу, стала формироваться практика ее избрания в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. В 2018 году новая мера нашла свое применение в 486 случаях; в 2019 г. она была применена в 430 случаях¹⁶.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что правоприменителем избран курс на минимизацию практики применения заключения под стражу, существенно ограничивающей свободу личности и имеющей, в связи с этим, наибольший репрессивный потенциал и расширение практики применения иных мер пресечения, позволяющих избежать излишне жесткого воздействия на индивида (включая меры пресечения, применяемые без судебного решения), а также новой меры в виде запрета определенных действий, позволяющей регулировать степень репрессивного воздействия благодаря предусмотренной в ст. 105.1 УПК РФ возможности су-

да, применяющего данную меру пресечения, самостоятельно возложить на лицо один или несколько запретов, указанных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Подобный подход правоприменителя заслуживает одобрения и поддержки.

Таким образом, подводя итог, сформулируем следующие выводы: противоправное деяние следует считать обнаруженным государством в лице уполномоченных органов с момента получения сообщения о преступлении (а точнее, сообщения о *предполагаемом* преступлении): несмотря на отсутствие в момент его получения основания для возбуждения уголовного дела, создаются юридические предпосылки для возникновения уголовно-процессуальных правоотношений; представляется верным вывод о том, что меры уголовно-процессуального принуждения находятся за пределами правоотношения уголовной ответственности, но в пределах уголовно-процессуального правоотношения в рамках процессуальной обязанности государства расследовать совершенное преступление; учитывая соотношение целей уголовно-правового воздействия и целей мер пресечения, возможность их применения к лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, можно и нужно рассматривать как элемент механизма уголовно-правового воздействия. При этом, оказывая уголовно-правовое воздействие посредством применения мер пресечения, предполагается ограниченное применение жестких средств превентивного воздействия в порядке досудебного производства, что соотносится с направленностью законодательных изменений, а также правоприменительной практикой последних лет.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Литература

1. Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание / Л.В. Багрий-Шахматов. Минск : Вышэйш. школа, 1976. 384 с.
2. Барабаш А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе / А.С. Барабаш // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 184-190.
3. Браинин Я.М. Уголовный закон и его применение / Я.М. Браинин. Москва : Юридическая литература, 1967. 240 с.
4. Варнавский Д.А. Способы проверки сообщения о преступлении / Д.А. Варнавский // Российский следователь. 2017. № 13. С. 7-9.
5. Дуюнов В.К. Правовое воздействие как реакция государства на правонарушение: общетеоретический и отраслевой аспекты : монография / В.К. Дуюнов. Москва : Юрлитинформ, 2019. 328 с.
6. Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика / В.К. Дуюнов. Москва : Научная книга, 2003. 520 с.
7. Жогин Н.В. Возбуждение уголовного дела / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. Москва : Госюриздат, 1961. 206 с.
8. Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : монография / Н.И. Капинус. Москва : Буквевед, 2007. 416 с.
9. Карпушин М.П. Уголовная ответственность и состав преступления / М.П. Карпушин, В.И. Курляндский. Москва : Юридическая литература, 1974. 232 с.

10. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1978. 136 с.
11. Косенко А.М. Критический обзор системы поводов для возбуждения уголовного дела / А.М. Косенко // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1. С. 138–145.
12. Кузьменко Е.С. Понятие повода к возбуждению уголовного дела / Е.С. Кузьменко // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. № 1–1. С. 11–26.
13. Практикум по советскому уголовному процессу / Министерство внутренних дел РСФСР, Нижегородская высшая школа. Вып. 2 / под общей редакцией В.Т. Томина и Г.Н. Козырева. 3-е изд., перераб. и доп. Нижний Новгород, 1991. 104 с.
14. Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности / А.И. Санталов. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. 96 с.
15. Симагина Н.А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании (теория и современная практика) : диссертация кандидата юридических наук / Н.А. Симагина. Москва, 2019. 206 с.
16. Стельмах В.Ю. Виды ограничений, применяемых в рамках мер пресечения / В.Ю. Стельмах // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (13). С. 145–154.
17. Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания / под редакцией Н.А. Беляева, В.К. Глистина, В.В. Орехова. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1992. 604 с.

Принципы уголовного судопроизводства

Чурсина Ирина Владимировна,
профессор кафедры уголовного процесса Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации
churs1973@mail.ru

Статья посвящена вопросам понимания, определения места и роли принципов уголовного судопроизводства. В статье анализируются точки зрения на понятие «принципы уголовного процесса», а также вопросы значения принципов в уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования и суда при производстве по уголовным делам. Автор приходит к выводу, что принципы уголовно-процессуального права следует рассматривать как самостоятельную основополагающую форму российского права.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принципы уголовного процесса, интегративное правопонимание, противоречия уголовно-процессуального регулирования.

Criminal Procedure Principles

Chursina Irina V.
Professor of the Department of Criminal Procedure
of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The article is devoted to the issues of understanding, determination of the place and role of the criminal court proceedings principles. The article analyses the perspectives of criminal process principles notion and the issues of significance of the principles in the criminal proceedings activity of preliminary investigation bodies and court in proceedings on criminal cases. The author concludes that the criminal proceedings principles shall be considered as an individual fundamental form of the Russian law.

Keywords: criminal proceedings, criminal process principles, integrative legal consciousness, criminal proceedings regulation controversies.

Реформирование российского уголовного процессуального права ориентировано

на создание современной системы уголовного судопроизводства, имеющей конечную

целью эффективную защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а также охрану личности от незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод. В этой связи не случайно на заседании коллегии Генпрокуратуры РФ в марте 2020 г. Президент РФ еще раз подчеркнул, что важными задачами деятельности правоохранительных органов остаются повышение эффективности обеспечения законности и порядка в обществе, прав и свобод граждан, а также выявление и пресечение любых правонарушений¹.

По мнению некоторых специалистов, приоритетными направлениями развития современной уголовно-процессуальной политики являются дальнейшая дифференциация форм уголовного судопроизводства, в том числе расширение института компромисса; придание важного значения судебному контролю на различных стадиях уголовного судопроизводства, вплоть до появления «института следственных судей»; усиление защиты процессуальных интересов потерпевших, а также такой категории обвиняемых, как предприниматели; расширение процессуальных возможностей стадии исполнения приговоров².

Реализация указанных направлений невозможна без совершенствования законодательства Российской Федерации и уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования и суда при производстве по уголовным делам. В уголовно-процессуальной науке не подвергается сомнению положение, в соответствии с которым принципы уголовного процесса выступают в качестве ведущих ориентиров для должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. По мнению А.В. Агутина, «они обеспечивают реализацию, во-первых, фундаментальных ценностей, охраняемых уголовным законом; во-вторых, законных интересов пострадавшего (потерпевшего) от

преступления. При таком подходе действенность принципов уголовно-процессуальной деятельности обеспечивается за счет внутреннего (духовно-нравственного) потенциала российской общности»³.

В связи с этим в уголовно-процессуальной литературе неоднократно подчеркивалось, что задачи уголовно-процессуальной политики должны решаться на основе ее принципов, исходных нормативно руководящих начал, идей, которые в рамках отрасли уголовного права обладают императивностью, универсальностью, системностью и стабильностью. Л.М. Володина по этому поводу подчеркивает, что принципы уголовного процесса являются единственными ценностными ориентирами, установленными в форме основных начал уголовного судопроизводства, которые формируют и выражают направления уголовно-процессуальной деятельности. «Современные принципы уголовного судопроизводства представляют собой положения, закрепляющие виды социальных ценностей, сформированных в процессе длительного развития уголовно-процессуальных процедур, закрепленных в национальных конституциях, что определяет их особую значимость»⁴.

Таким образом, принципы уголовного судопроизводства призваны обеспечить надлежащий порядок уголовного судопроизводства, при котором в максимальной степени будут защищены права и свободы вовлеченных в него граждан.

В современной юридической литературе дается более двух десятков определений принципов уголовного судопроизводства. С этимологической точки зрения слово «принцип» (от лат. principium — основа, начало) имеет несколько значений: 1) основное, исходное положение какой-либо тео-

¹ Заседание коллегии Генпрокуратуры. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62998>

² Волков К.А. Уголовная политика и принципы права // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. статей по матер. VII Межд. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 1-2 ноября 2019 г.). СПб. : Астерион, 2019. С. 38.

³ Агутин А.В. Принципы уголовно-процессуальной деятельности: социокультурные и мировоззренческие основания // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам : матер. IV Межд. науч.-практ. конф. (г. Москва, 5-6 апреля 2016 г.). М. : РГУП, 2016. С. 20.

⁴ Володина Л.М. Назначение и принципы уголовного судопроизводства — основа нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 18.

рии, учения; 2) руководящая идея, основное правило деятельности; 3) внутреннее убеждение, взгляд на вещи, определяющие норму поведения; 4) основа устройства, действия какого-либо механизма, прибора, установки. Подобное неоднозначное понимание неизбежно сказывается на многообразии научных интерпретаций категории «принципы уголовного судопроизводства».

В современной юридической литературе под принципами уголовного судопроизводства понимаются исходные, основные правовые положения, определяющие назначение уголовного судопроизводства и построение всех его стадий, институтов, отдельных процедур.

В.И. Качалов принципы уголовного судопроизводства определяет как «общие руководящие, исходные положения, определяющие наиболее существенные стороны уголовно-процессуальной деятельности, построение всех стадий уголовного судопроизводства, содержание всех его форм и институтов, обеспечивающие достижение задач уголовного процесса»⁵.

Несколько отличное и более дополненное определение принципов уголовного процесса дает Л.М. Володина, понимая под ними «общеобязательные руководящие положения императивного характера, закрепленные в Конституции РФ и в гл. 2 УПК РФ, лежащие в основе всей уголовно-процессуальной деятельности по поводу возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел, определяющие сущность и направление деятельности, отражающие предмет и метод уголовно-процессуального регулирования, обеспечивающие назначение уголовного судопроизводства, реальность прав и свобод человека и гражданина, вовлеченного в сферу уголовно-процессуальных отношений»⁶. Справедливости ради следует отметить, что в научной публикации 2018 го-

да автор приводит уже несколько отличное определение, понимая под принципами уголовного процесса «положения, закрепляющие виды социальных ценностей, сформированных в процессе длительного развития уголовно-процессуальных процедур, закрепленных в национальных конституциях, что определяет их особую значимость»⁷.

Анализируя философский смысл термина «принципы» применительно к практической деятельности, Б.Т. Безлепкин приходит к выводу, что они означают «исходное положение, общее требование, которому должна эта деятельность отвечать целиком. Соответственно этому определению под принципами уголовного судопроизводства понимаются исходные правовые установления, требования, которым должно подчиняться все производство по уголовному делу от начала до конца, иначе говоря — на которых это производство построено»⁸.

По мнению С.С. Безрукова, принципы уголовного процесса представляют собой «обусловленные общечеловеческими ценностями, общепризнанными нормами международного права, Конституцией РФ наиболее общие и значимые требования системобразующего характера к порядку уголовного судопроизводства, закрепленные в главе 2 УПК и проведенные в совокупности уголовно-процессуальных норм»⁹.

При этом большинство авторов, анализирующих правовую сущность принципов уголовного судопроизводства, отстаивают точку зрения, согласно которой по своей юридической природе и сущности принципы представляют собой всего лишь нормы права, но с более общим и принципиальным содержанием.

В связи с этим представляется обоснованным мнение В.В. Ершова, что такой подход является «узким» и характерен для юридического позитивизма, который ограничи-

⁵ Качалов В.И. Принципы уголовного процесса // Основы уголовного судопроизводства : учебник для бакалавров / М.В. Бубчикова, В.А. Давыдов, В.В. Ершов [и др.]. М. : РГУП, 2017. С. 43.

⁶ Володина Л.М. Система принципов уголовного судопроизводства // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам : матер. IV Межд. науч.-практ. конф. (г. Москва, 5–6 апреля 2016 г.). М. : РГУП, 2016. С. 54.

⁷ Володина Л.М. Назначение и принципы уголовного судопроизводства — основа нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 18.

⁸ Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах : учебное пособие. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2018. С. 13.

⁹ Безруков С.С. Принципы уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук / ВНИИ МВД РФ. Москва, 2016. С. 118.

вает право исключительно нормами права, установленными правотворческими и (или) исполнительными органами государственной власти в «законодательстве». В результате в юридической литературе и на практике возникает теоретическая неопределенность природы, места и роли принципов и норм права, содержащихся в иных формах национального и международного права. Сложившаяся неопределенность права, выработанного с позиции юридического позитивизма, негативно сказывается на регулировании общественных отношений¹⁰.

Анализируя судебные реформы сквозь призму учения о принципах права, К.А. Волков обоснованно указывает, что в течение долгого времени в правовой мысли конкурировали два принципиально разных подхода: юснатурализм (естественно-правовая концепция), трактующий право и мораль как единые и взаимодополняемые феномены, а также юридический позитивизм, выводящий нормы морали за рамки права, рассматривая право как исключительно совокупность норм позитивного права, установленных и принуждением со стороны государства (законы, подзаконные акты и т.п.)¹¹. Этот тезис с полным основанием можно отнести и к пониманию правовой природы принципов уголовного процесса в отечественной правовой мысли.

Представляется, что правовая сущность принципов уголовного процесса не исчерпывается рамками отдельно взятой статьи, вошедшей в гл. 2 УПК. Указанные статьи отождествляются с уголовно-процессуальными нормами лишь потому, что весь Уголовно-процессуальный кодекс РФ состоит из норм права. В связи с этим представляется обоснованным мнение В.В. Ершова, что такой подход является «узким» и характерен для юридического позитивизма, который ограничивает право исключительно нормами права, установленными правотворческими и

(или) исполнительными органами государственной власти в «законодательстве». В результате в юридической литературе и на практике возникает теоретическая неопределенность природы, места и роли принципов и норм права, содержащихся в иных формах национального и международного права. Сложившаяся неопределенность права, выработанного с позиции юридического позитивизма, негативно сказывается на регулировании общественных отношений¹².

Вполне научно обоснованной выступает концепция интегративного правового понимания В.В. Ершова, согласно которой к праву помимо норм закона также следует относить принципы права, содержащиеся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и международного права.

Представляется, что к источникам уголовного процессуального права следует относить не только нормы права, но и принципы уголовного судопроизводства, выработанные в том числе в правовых актах. Представляется, что такое интегративное понимание в рамках теории и практики уголовного процессуального права позволяет разрешить многие теоретические и практические проблемы уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования и суда. В частности, интегративный подход к пониманию уголовного процессуального права позволяет теоретически убедительно обосновывать содержание и сущность уголовного процессуального права с позиции одной из разновидностей синтетической теории права, эффективно обеспечить защиту прав и свобод участников уголовного процесса, обеспечить достижение целей уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования и суда по уголовным делам, повышать степень определенности уголовного процессуального права, а также степени стабильности, непротиворечивости, ожидаемости и прозрачности судебной практики по уголовным делам.

Кроме того, учитывая постоянно возникающие противоречия в уголовно-процессуальном регулировании обществен-

¹⁰ Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М. : РГУП, 2018. С. 304, 9-10.

¹¹ Волков К.А. Принципы права и судебная реформа // Судебная реформа: вчера, сегодня, завтра : матер. межрегион. науч.-практ. круглого стола, посвященного 155-летию Судебной реформы 1864 года. Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2020. С. 21.

¹² Ершов В.В. Указ. соч. С. 10.

ных отношений, в том числе связанные с абстрактным и относительно определенным характером норм уголовного процессуального законодательства, бесконечно возникающими коллизиями и пробелами в механизме уголовно-процессуального регулирования, а также противоречивую динамику развития уголовно-процессуальных отношений, представляется, что при рассмотрении уголовного дела правоприменительные органы обязаны опираться (и руководствоваться) на принципы уголовного судопроизводства. На наш взгляд, прямое применение принципов уголовного судопроизводства позволит разрешить межотраслевые коллизии и противоречия.

Конечно, в рамках статьи невозможен охват всех проблем принципов уголовного судопроизводства, но значимость рассмотренных вопросов, касающихся основ построения уголовного судопроизводства с учетом такого регулятора общественных отношений, как принципы уголовного процесса, безусловна. Уголовно-процессуальной теории важно определиться в правовой природе принципов уголовного судопроизводства, их системы, в предназначении принципов уголовного процесса в реализации основных направлений уголовной процессуальной политики; важна и собственно разработка единой концепции уголовно-процессуальной политики государства.

Литература

1. Агутин А.В. Принципы уголовно-процессуальной деятельности: социокультурные и мировоззренческие основания / А.В. Агутин // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам : материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Москва, 5-6 апреля 2016 г.). Москва : РГУП, 2016. С. 12-20.
2. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах : учебное пособие / Б.Т. Безлепкин. 9-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2018. 300 с.
3. Безруков С.С. Принципы уголовного процесса : диссертация доктора юридических наук / С.С. Безруков. Москва, 2016. 513 с.
4. Волков К.А. Принципы права и судебная реформа / К.А. Волков // Судебная реформа: вчера, сегодня, завтра : материалы межрегионального научно-практического «круглого стола», посвященного 155-летию Судебной реформы 1864 года (г. Хабаровск, 20 ноября 2019 г.) / ответственный редактор К.А. Волков. Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2020. С. 19-23.
5. Волков К.А. Уголовная политика и принципы права / К.А. Волков // Уголовная политика и правоприменительная практика : материалы VII Международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 1-2 ноября 2019 г.) / редактор С.У. Дикаев. Санкт-Петербург : Астерион, 2019. С. 35-43.
6. Володина Л.М. Назначение и принципы уголовного судопроизводства — основа нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности / Л.М. Володина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2. С. 16-23.
7. Володина Л.М. Система принципов уголовного судопроизводства / Л.М. Володина // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам : материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Москва, 5-6 апреля 2016 г.). Москва : РГУП, 2016. С. 52-57.
8. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений / В.В. Ершов. Москва : РГУП, 2018. 624 с.
9. Качалов В.И. Принципы уголовного процесса / В.И. Качалов // Основы уголовного судопроизводства : учебник для бакалавров / М.В. Бубчикова [и др.] ; под редакцией В.А. Давыдова, В.В. Ершова. Москва : РГУП, 2017. 444 с.

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: 8 (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru

Взаимодействие следователя и прокурора: этический аспект

Черемисина Татьяна Владимировна,
научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
ice_tree@mail.ru

В статье исследуется проблема взаимодействия следователя и прокурора с нового ракурса — профессиональной этики. Методологическая основа — поведенческие исследования в праве. Эмпирической базой исследования являются результаты анкетирования сотрудников Следственного комитета Российской Федерации по вопросам соблюдения этики во взаимодействии следователей и прокурорских работников. Исследуются причины неэтичного поведения прокуроров и следователей в отношении друг друга, предлагаются рекомендации для предотвращения такого поведения.

Ключевые слова: следователь, прокурор, этика, Кодекс этики, судопроизводство, полномочия, взаимодействие.

Interaction of the Investigator and the Prosecutor: Ethical Aspect

Cheremisina Tatyana V.
Research Scientist of the Research Department of the Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation

The article examines the problem of interaction between an Investigator and a Prosecutor from a new perspective — professional ethics. The methodological basis is the method of behavioral research in law. The empirical basis of the study is the results of a survey of employees of the Investigative Committee of the Russian Federation on ethics in the interaction of investigators and prosecutors. The article examines the reasons for unethical behavior of prosecutors in relation to investigators, and offers recommendations for preventing such behavior.

Keywords: Investigator, Prosecutor, ethics, Code of ethics, legal proceedings, powers, interaction.

Взаимодействие следователя и прокурора — стержневой вопрос досудебного производства с момента его реформы в 2007 г. В то время как практики выстраивали новые модели поведения, ученые сошлись по этому вопросу в невиданной по масштабам схватке. Ее апогеем стал состоящий из цикла статей научный батл «Колоколов VS Багмет/Цветков»¹. Н.А. Колоколов определил

эти отношения как «великое противостояние» между следователями и прокурорами и объяснил его чисто субъективными факторами и личностными амбициями сторон². Ю.А. Цветков утверждал, что происходит кризис социальной и правовой идентичностей следователя и прокурора, источником которого является то, что прокуроры цепляются за свою прежнюю идентичность

¹ Колоколов Н.А. «Великое противостояние»: следователь vs прокурор // Библиотека криминалиста. 2014. № 5. С. 9–29; Колоколов Н.А. «Силу следствия» не суду следует демонстрировать, а преступному миру // Юридический мир. 2015. № 9. С. 66–70; Багмет А.М., Цветков Ю.А. Сильное следствие и его противники // Lex Russica. 2015. № 4. С. 60–70; Баг-

мет А.М., Цветков Ю.А. Кто боится сильного следствия? // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 125–129; Багмет А.М., Цветков Ю.А. У какого судьи прокурор всегда прав? // Юридический мир. 2015. № 9. С. 71–73.

² Колоколов Н.А. «Великое противостояние»: следователь vs прокурор // Там же.

полновластного хозяина процесса и воспринимают следователя как «слугу прокурора»³.

Назначение в 2019 г. Генеральным прокурором Российской Федерации И.В. Краснова, занимавшего должность заместителя Председателя СК России, поставит точку в споре ученых. Если в основе противостояния лежал личностный фактор, то взаимодействие станет бесконфликтным. Рассмотрим два события — маркера будущей конфигурации.

В июле 2020 г. председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по государственному строительству и законодательству П.В. Крашенинников выступил с инициативой возврата прокурорам права возбуждения уголовных дел⁴. Однако Генеральный прокурор Российской Федерации однозначно заявил, что полномочия по возбуждению уголовных дел прокурору не нужны, так как прокуратура и без того обладает большим арсеналом полномочий, который просто требуется умело применять⁵.

Незадолго до инициативы законодателей Председатель СК России возбудил уголовное дело в отношении старшего следователя по особо важным делам Главного управления по расследованию особо важных дел СК России Р.М. Миниахметова по факту получения взятки. Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации отменил это постановление. Генеральный прокурор Российской Федерации поддержал решение своего заместителя⁶.

Два этих маркера указывают на то, что кризис идентичности прокуроров завершился и они полностью адаптировались в

новой властно-правовой нише. В то же время их взаимодействие со следственными органами полностью гладким и бесконфликтным не стало и, добавим от себя, — не должно стать по природе их правовой и социальной функции. Выработка оптимальной модели их взаимоотношений лежит не только в правовой, но и в поведенческой плоскости. Огромный пласт отношений между участниками уголовного судопроизводства скрыт от глаз законодателей и ученых и известен только практикам, которые ежедневно вынуждены искать компромиссы в целях наиболее эффективной реализации своих процессуальных, ведомственных и служебных интересов. Эти реальные отношения регулируются не законом, а этикой.

А.М. Багмет и Ю.А. Цветков в качестве эталона предлагают сложившуюся до революции культуру взаимодействия участников уголовного судопроизводства. В доказательство они приводят содержание одного документа, хранящегося в музее Московской академии СК России, — обращения прокурора Воронежского окружного суда от 27 мая 1894 г. к судебному следователю по важнейшим делам о соединении уголовных дел в одно производство. Вот как в нем прокурор обращается к следователю: «Имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, для надлежащих соображений при направлении производящихся Вами следственных действий об убийстве Петровской и других, об убийстве урядника Кологривова и Шведова... я полагал бы целесообразным коих следствия об убийстве Кологривова и Шведова присоединить к делу об убийстве Петровской. Прокурор (подпись)»⁷. Автор настоящей статьи, имея опыт следственной работы в разных регионах России, никогда с подобным обращением не сталкивалась. Запомнились, скорее, следующие высказывания прокуроров: «Мне не важно, как вы делали в другом районе — здесь мой УПК» или «Если мне это дело вернет судья — я вам рисую два доса».

В прокуратуре действует Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации, утвержденный приказом Генеральной прокуратуры Российской Федера-

³ Цветков Ю.А. Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 14–20.

⁴ Прокуратуре могут вернуть возможность возбуждать уголовные дела // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/07/28/prokurature-mogut-vernut-vozmozhnost-vozbuzhdat-ugolovnye-dela.html> (дата обращения: 10.09.2020).

⁵ «У нас должна быть обратная связь с людьми»: интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова // Газета «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4483665> (дата обращения: 10.09.2020).

⁶ В СК подтвердили отмену постановления о возбуждении дела в отношении следователя // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/8885381> (дата обращения: 10.09.2020).

⁷ Багмет А.М., Цветков Ю.А. Кто боится сильного следствия? // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 127.

ции от 17 марта 2010 г. № 114. В соответствии с этим документом прокурорский работник в служебной и во внеслужебной деятельности обязан при любых обстоятельствах воздерживаться от поведения, которое могло бы вызвать сомнение в добросовестном исполнении им своих служебных обязанностей, избегать имущественных (финансовых) связей, конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его репутации или авторитету прокуратуры Российской Федерации и тем самым подорвать доверие общества к ее деятельности.

В служебной деятельности прокурорский работник обязан придерживаться общих принципов и норм служебной, профессиональной этики и правил делового поведения государственных служащих.

Во взаимоотношениях с представителями органов государственной власти прокурорский работник сохраняет независимость, проявляет тактичность и уважение, требовательность и принципиальность.

Не допускается использование прокурором своего служебного положения для оказания влияния на деятельность любых органов, организаций, должностных лиц, государственных служащих, граждан, других прокурорских работников при решении вопросов личного характера и получения преимуществ как для себя, так и в интересах иных лиц.

Кроме того, в прокуратуре принята Концепция воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации, утвержденная приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 марта 2010 г. № 114. В ней указано, что прокурор должен быть вежлив с гражданами, но ничего не упоминается о культуре общения прокурора с представителями поднадзорных органов.

Таким образом, эти документы содержат самые общие установки и не отражают сложности жизни, изобилующей неоднозначными с точки зрения этики ситуациями. В этом смысле кодексы этики судей, прокуроров, сотрудников СК России настолько похожи, что может сложиться впечатление, что они приняты скорее для того, чтобы такой документ в ведомстве просто был.

Целью настоящего исследования является выявление реальных этических про-

блем, возникающих в ходе взаимодействия следователя и прокурора. Отталкиваясь от них, можно сделать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию кодексов этики и выбору правильного направления воспитательной работы. С этой целью мы провели в 2020 г. анкетирование следователей следственных органов СК России (N=123).

Изначально следует определить наличие и масштаб самой проблемы. Мы выяснили, насколько часто следователи сталкиваются с нарушением этики со стороны прокуроров. Большинство опрошенных (60,2%) дали отрицательный ответ на поставленный вопрос. Однако более трети респондентов (39%) ответили, что такие случаи имели место (рис. 1).



Рис. 1. Сталкивались ли следователи с неэтичным поведением прокурора?

Результаты опроса показывают, что проблема этики взаимодействия следователя и прокурора существует, хотя не является острой и не носит масштабного характера. Поэтому следует рассмотреть конкретные случаи неэтичного поведения прокурорских работников.

Следователи, столкнувшиеся в отношении себя с нарушением прокурорами требований этики, отметили, что оно выражалось в негативной оценке работы СК России в целом (33,3%); негативных высказываниях в адрес следователя и обсуждении его работы в присутствии посторонних лиц (29,2%); грубости, нецензурных выражениях (16,6%); перепоручении своей работы следователю (12,5%); частых личных просьбах, не связанных с работой (6,25%). Кроме того, 1 респондент охарактеризовал по-

ведение прокурора как работу по принципу «прокурор всегда прав» (рис. 2).

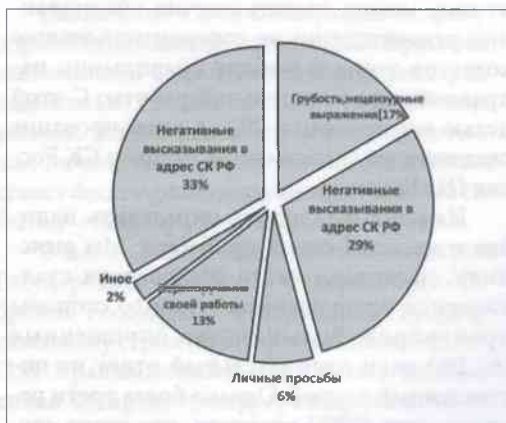


Рис. 2. Формы неэтичного поведения прокуроров в отношении следователей

Ю.А. Цветков поставил на повестку научного исследования важную проблему — асимметричность информации, которой обладают процессуальные акторы. В частности, он отмечает, что следователь при получении материалов по результатам оперативно-разыскных мероприятий не располагает полной информацией об их качестве. Субъекты оперативно-разыскной деятельности заинтересованы в скорейшем возбуждении уголовного дела, при этом они знают истинное качество материалов, которые они представили следователю, но не сообщают ему о недостатках, которые могут быть обнаружены в ходе расследования дела. В свою очередь следователь, направляя уголовное дело с обвинительным заключением прокурору, заинтересован в утверждении заключения и направлении дела в суд, а значит, пытается скрыть от прокурора проблемы, которые «скрыты» в материалах дела и всплывут лишь в судебном разбирательстве⁸. Мы попытались установить, насколько распространены явления взаимного обмана процессуальных акторов на практике.

Исследование показало, что 25% опрошенных следователей хотя бы раз обманывали прокурора, в частности, намерен-

⁸ Цветков Ю.А. Взаимодействие следователя, прокурора и судьи при направлении уголовного дела в суд // Уголовный процесс. 2018. № 1. С. 83.

но скрывали информацию о недостатках и нарушениях в уголовном деле, которые помешали бы утверждению обвинительного заключения. В то же время подавляющее большинство принявших участие в опросе (75%) не признали за собой таких фактов (см. рис. 3).



Рис. 3. Случаи сокрытия информации от прокурора со стороны следователей

С Н.А. Колоколовым следует согласиться в том, что на качество служебных отношений следователя с прокурором оказывает влияние личностный фактор. Неслужебные личные отношения между сотрудниками следственных органов и прокурорскими работниками содействуют взаимопониманию между ними. Тем более что Следственный комитет создавался на кадровой основе прокуратуры, поэтому многие руководители следственных органов и некоторые следователи имеют прокурорский бэкграунд. Более трети (43%) опрошенных сотрудников СК России имели неслужебные личные отношения с прокурорскими работниками (рис. 4). Факты аналогичных отношений между следователями и судьями подтверждают только 35% следователей⁹.

Н.А. Колоколов в качестве модели для заимствования предлагает такой распространенный в западной культуре формат общения, как пул юристов. Он подразумевает встречи и общение на равных следова-

⁹ Прокуратуре могут вернуть возможность возбуждать уголовные дела // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/07/28/prokurature-mogut-vernut-vozmozhnost-vozvuzhdai-ugolovnye-dela.html> (дата обращения: 10.09.2020).

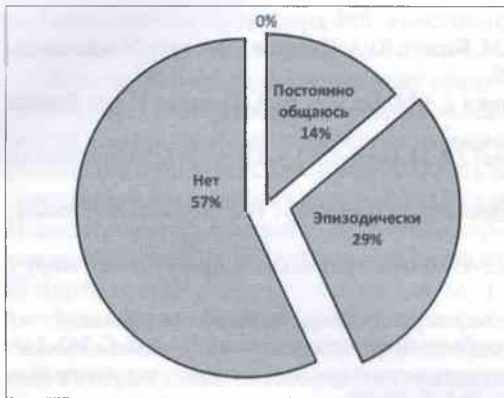


Рис. 4. Частота внеслужебных личных отношений между следователями и прокурорскими работниками

телей, прокуроров, судей и адвокатов в неформальной обстановке. Они даже могут обсудить расследуемое дело в целях наиболее эффективного его рассмотрения, однако никогда не будут использовать полученные в ходе такого общения сведения для получения личного преимущества. Ученый называет это «высокими технологиями общения» и призывает нас ориентироваться на них¹⁰. Вместе с тем наши культурные тренды прямо противоположны. Приведем пример из практики. Заместитель руководителя следственного отдела по одному из городов Н-ской области и заместитель прокурора того же города (обе — женщины) поддерживали дружеские отношения. Последние регулярные посиделки в заведениях общепита стоили должности. В один из вечеров в том же кафе находился «активист-правозащитник», знавший в лицо каждого из сотрудников. Он незаметно сфотографировал их и отправил снимки в прокуратуру Н-ской области, усомнившись в беспристрастности рассмотрения его жалоб в отношении следователей. Прокурор Н-ской области посчитал такое поведение незачинным и во избежание конфликта интересов перевел своего сотрудника в другую городскую прокуратуру.

¹⁰ Колоколов Н.А. Современные стандарты взаимодействия участников уголовного судопроизводства // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2014. № 5. С. 243–244.

Приведенные примеры и результаты исследования показывают, что поведенческие паттерны участников уголовного судопроизводства могут быть гораздо важнее законодательного механизма регламентации их взаимодействия. В то же время развитие этического регулирования на уровне специальных кодексов поведения сильно отстает от развития реальных отношений и оказывает на них слабое влияние.

Из всех сотрудников правоохранительных органов именно прокуроры являются теми должностными лицами, уровень и качество взаимодействия с которыми для сотрудников следственных органов носит приоритетный характер. Решения прокурора в наибольшей степени влияют на результаты работы следователя и их оценку, а также на такие социальные активы, как авторитет в коллективе следственного органа и карьерный рост. Поэтому оптимальную систему взаимодействия с прокурором пытается выстроить каждый следователь. Если следователь грамотно «выстроил» взаимоотношения с районным прокурором, имеет хорошую деловую репутацию в прокуратуре, то это повышает уважение к нему и среди его собственных коллег, и руководителя и благоприятно отражается на результатах его работы. Прокурор со своей стороны, если он обладает большим авторитетом среди следователей и оказывает реальное влияние на поднадзорный ему следственный орган, сильно упрочивает свое положение в местном истеблишменте. Именно поэтому «на земле» сотрудники следственных органов и прокуроры стремятся к бесконфликтному конструктивному общению.

В силу общих корней можно говорить о том, что следователи СК России и прокурорские работники по своей организационной культуре наиболее близки друг другу процессуальные акторы. Этот факт снижает остроту этических проблем между ними. Однако общекультурный уровень этого общения конечно же весьма далек от того до-революционного эталона, который предложили А.М. Багмет и Ю.А. Цветков. И здесь повышению роли этики в профессиональном взаимодействии должна отводиться ключевая роль.

Литература

1. Багмет А.М. Кто боится сильного следствия? / А.М. Багмет, Ю.А. Цветков // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 125-129.
2. Багмет А.М. Сильное следствие и его противники / А.М. Багмет, Ю.А. Цветков // Lex Russica (Русский закон). 2015. № 4. С. 60-70.
3. Багмет А.М. У какого судьи прокурор всегда прав? / А.М. Багмет, Ю.А. Цветков // Юридический мир. 2015. № 9. С. 71-73.
4. Колоколов Н.А. «Великое противостояние»: следователь vs прокурор / Н.А. Колоколов // Библиотека криминалиста. 2014. № 5. С. 9-29.
5. Колоколов Н.А. «Силу следствия» не суду следует демонстрировать, а преступному миру / Н.А. Колоколов // Юридический мир. 2015. № 9. С. 66-70.
6. Колоколов Н.А. Современные стандарты взаимодействия участников уголовного судопроизводства / Н.А. Колоколов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2014. № 5. С. 242-246.
7. Цветков Ю.А. Взаимодействие следователя, прокурора и судьи при направлении уголовного дела в суд / Ю.А. Цветков // Уголовный процесс. 2018. № 1. С. 82-87.
8. Цветков Ю.А. Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора / Ю.А. Цветков // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 14-20.
9. Черемисина Т.В. Этические аспекты взаимодействия следователя и суда / Т.В. Черемисина // Российский судья. 2019. № 7. С. 45-50.

Системная коррекция судебных решений по конкретному уголовному делу: общее и особенное

Скляренко Марина Владимировна,
советник Судебной коллегии по уголовным делам
Верховного Суда Российской Федерации
aniram1618@yandex.ru

Анализируется ход разбирательства по уголовному делу в отношении П., судебные постановления по которому явились предметом судебного контроля различных инстанций.

Ключевые слова: суд, судебная система, система проверки и пересмотра судебных решений по уголовным делам.

Systemic Correction of Court Rulings on a Specific Criminal Case: Common and Specific Features

Sklyarenko Marina V.
Advisor of the Judicial Board for Criminal Cases
of the Supreme Court of the Russian Federation

The article analyses the proceedings on the criminal case in relation to P., the court rulings on which have become the object of court control by various authorities.

Keywords: court, court system, system of verification and revision of criminal court rulings.

Определением Судебной коллегии по
уголовным делам Верховного Суда РФ от

8 июля 2020 г. без удовлетворения оставле-
но кассационное представление заместите-

ля Генерального прокурора РФ, внесенное им по делу П.¹

К особенному по данному делу следует отнести: 1) значительный временной интервал между совершением преступления (покушение на убийство 1 мая 2017 г.) и смертью потерпевшего (4 декабря 2018 г.) и 2) посмертное награждение последнего орденом Мужества по Указу Президента РФ от 28 марта 2019 г.

Данные уникальные юридические факты обусловили целую цепочку судебных актов, которые сами по себе могут вызвать определенный интерес у процессуалистов, специализирующихся на анализе системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений. Для ясности картины имевших место событий таковые излагаются в хронологическом порядке.

Данные о личности осужденного П.

Он судим:

1) 24 апреля 2003 г. Северодвинским городским судом Архангельской области по п. «Г» ч. 2 ст. 161 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) — к 3 годам 4 месяцам лишения свободы; постановлением Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 17 сентября 2004 г. освобожден условно-досрочно на 1 год 3 месяца 8 дней;

2) 3 февраля 2005 г. Северодвинским городским судом Архангельской области по ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство. — М. Складенко), на основании п. «в» ч. 7 ст. 79, ст. 70 УК РФ — к 11 годам 6 месяцам лишения свободы, освобожден 5 мая 2016 г. по отбытии срока наказания.

После освобождения из мест лишения свободы П. «подселен» в коммунальную квартиру, его соседями против своей воли оказались мать — К.Н.В. и ее несовершеннолетний сын К.И.К.

Фабула дела

1 мая 2017 г. между П. и К.Н.В. в процессе употребления спиртных напитков возник спор, в ходе которого П. нанес потерпевшей (К.Н.В.) многочисленные удары ножом. Сын

последней попытался данное преступное посягательство прекратить, за что П. ударил К.И.К. по голове гантелью. Полагая, что оба потерпевших мертвы, П. принял меры к сокрытию трупов, но был изобличен, поэтому обоим потерпевшим удалось оказать квалифицированную медицинскую помощь. Однако если К.Н.В. вскоре поправилась, то К.И.К. до момента своей смерти в крайне тяжелом состоянии находился в больнице.

Сразу после совершения преступления П. был задержан, в отношении него избрана мера пресечения — заключение под стражу, в ходе допросов обвиняемый в содеянном полностью признался и дал обстоятельные и подробные показания об обстоятельствах преступления.

18 августа 2017 г. П. за совершенное ранее еще одно преступление осужден мировым судьей участка № 2 Устьянского судебного района Архангельской области по ст. 116 УК РФ к 1 году 6 месяцам лишения свободы.

Первый приговор

16 января 2018 г. Северодвинским городским судом Архангельской области П. осужден за совершение преступлений в отношении матери (К.Н.В.) по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ за **покушение на убийство двух лиц** (выделено нами. — М. Складенко), хотя в приговоре речь фактически шла о К.Н.В. и К.И.К., — к 14 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев и на основании ч. 5 ст. 69 УК РФ окончательно — к 14 годам 6 месяцам лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии особого режима с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев.

Определением апелляционной инстанции от 14 марта 2018 года приговор оставлен без изменения.

Смерть К.И.К.

4 декабря 2018 г. молодой человек от причиненных более года назад телесных повреждений скончался в НИИ неотложной детской хирургии и травматологии Департамента здравоохранения г. Москвы.

Указ Президента РФ

Указом Президента РФ от 28 марта 2019 г. № 132 «О награждении государственными

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 июля 2020 г. № 1-УДП20-3-А2 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2020 г.

наградами Российской Федерации» К.И.К. был награжден орденом Мужества (посмертно) за смелость и решительность, проявленные при спасении людей в экстремальных условиях.

Пересмотр первого приговора ввиду новых обстоятельств

14 июня 2019 г. постановлением президиума Архангельского областного суда частично было удовлетворено заключение заместителя прокурора Архангельской области о возобновлении производства по уголовному делу в отношении П. ввиду новых обстоятельств, приговор от 16 января 2018 г. и апелляционное определение от 14 марта 2018 г. отменены, дело возвращено прокурору.

На этот раз органами предварительного расследования в вину П. вменялось:

- убийство К.И.К., совершенное в отношении лица в связи с выполнением им общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ);
- покушение на убийство двух лиц (ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) — матери и сына.

Второй приговор

По приговору Архангельского областного суда от 24 декабря 2019 г. П. осужден:

- по ч. 1 ст. 105 УК РФ (за убийство К.И.К.) к 14 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев;
- по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (за покушение на убийство двух лиц) к 13 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год.

На основании ч. 3, 5 ст. 69 УК РФ, путем частичного сложения назначенных наказаний, а также наказания, назначенного по приговору мирового судьи судебного участка № 2 Устьянского судебного района Архангельской области от 18 августа 2017 г., окончательно назначено 20 лет 6 месяцев лишения свободы с отбыванием назначенного наказания в исправительной колонии особого режима, с ограничением свободы на 1 год 9 месяцев, с установлением соответствующих ограничений и обязанностей, указанных в приговоре.

Постановлено взыскать с П. в счет компенсации морального вреда в пользу К.И.К. 1 500 000 руб., в пользу П.К.М. 300 000 руб.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 10 марта 2020 г. приговор оставлен без изменения.

Позиция заместителя Генерального прокурора РФ

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ В.Я. Гринь выразил несогласие с выводами суда апелляционной инстанции о необоснованности вменения органами предварительного расследования П. предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицирующего признака убийства — совершения его в связи с выполнением общественного долга и исключением данного признака из обвинения, в связи с тем что правовые основания, связанные с особенностями и пределами пересмотра ранее состоявшегося судебного решения ввиду новых обстоятельств, для этого отсутствовали.

По мнению автора кассационного представления, возобновление производства по делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств предполагает задействование процессуальных механизмов, которые позволили бы осуществить новое расследование всех обстоятельств дела для их учета в соответствующем заключении, направляемом в суд органами уголовного преследования.

В обоснование данного вывода были приведены положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которым прокурор (а по его указанию следователь) вправе провести следственные и иные процессуальные действия и, руководствуясь ст. 221 и 226 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), утвердить новое обвинительное заключение. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не запрещает при возвращении уголовного дела прокурору увеличивать объем предъявленного обвинения, а, напротив, предусматривает для этого соответствующий механизм. Невыполнение органом предварительного расследования указанных процессуальных действий повлекло бы неправильную правовую

оценку фактических обстоятельств совершенного деяния.

Приводя вывод судебной коллегии по уголовным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции о том, что в ходе судебного разбирательства не установлен факт совершения К.И.К. каких-либо активных действий по воспрепятствованию П. в совершении действий, направленных на убийство его матери, что исключает возможность квалификации действий обвиняемого как совершенных в отношении лица в связи с выполнением им общественного долга, заместитель Генерального прокурора РФ полагает, что данный вывод противоречит установленным по делу обстоятельствам и не соответствует исследованным доказательствам.

В.Я. Гринь также утверждал, что П. в полной мере осознавал, что К.И.К., желая пресечь совершение преступления в отношении его матери, высказал намерение обратиться в полицию. Во избежание этого подсудимый нанес потерпевшему удары гантелью по голове. Он полагает, что с учетом разницы в возрасте и характера посягательства, тяжких последствий действия потерпевшего следует расценивать как активные, направленные на пресечение противоправных действий виновного. Свидетельством выполнения К.И.К. общественного долга является Указ Президента РФ от 28 марта 2019 г. № 132 «О награждении государственными наградами Российской Федерации», а именно награждение его орденом Мужества (посмертно) за мужество, смелость и решительность, проявленные при спасении людей в экстремальных условиях. Это обстоятельство возникло после вступления первоначального приговора от 16 января 2018 г. в законную силу и не могло быть известно суду при рассмотрении дела по существу.

По мнению автора кассационного представления, действия осужденного подлежат квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Неправильная правовая оценка содеянного повлекла назначение П. несправедливого, чрезмерно мягкого наказания, поэтому апелляционное определение следует отменить, а дело направить на новое рассмотрение в суд второй инстанции.

Позиция Верховного Суда РФ

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, анализируя материалы уголовного дела, указала следующее. Отменяя вышеуказанные судебные постановления, президиум Архангельского областного суда в основу своего решения от 14 июня 2019 г. положил лишь одно новое обстоятельство — смерть К.И.К. Следовательно, цель данного судебного решения заключалась только в проверке законности и обоснованности судебного акта исключительно под углом зрения именно этого нового обстоятельства, что, безусловно, не предопределяло последующую квалификацию органами предварительного расследования действий П. по иным признакам состава преступления, не обусловленным наступлением смерти потерпевшего, и предполагало задействование процессуальных механизмов, которые позволяли бы осуществлять расследование данного нового обстоятельства, возникшего после вступления в силу приговора, — смерти потерпевшего К.И.К., и его учет в обвинительном заключении.

Указание судом апелляционной инстанции в судебном решении при проверке нового приговора, что признанное кассационной инстанцией новое обстоятельство — смерть К.И.К. не находится в причинно-следственной связи с выполнением потерпевшим общественного долга, при котором ему были причинены телесные повреждения, приведшие к смерти, не противоречит правовым позициям Конституционного Суда РФ² и уголовно-процессуальным нормам,

² Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств направлено не на восполнение недостатков предшествующей обвинительной и судебной деятельности, а на обеспечение возможности исследования фактических обстоятельств, которые уголовный закон признает имеющими значение для определения оснований и пределов уголовно-правовой охраны, но которые в силу объективных причин ранее не могли входить в предмет исследования по уголовному делу (постановление от 16 мая 2007 г. № 6-П, определения от 28 июня 2012 г. № 1248-О, от 25 сентября 2014 г. № 2215-О, от 23 декабря 2014 г. № 2844-О, от 23 июня 2016 г. № 1272-О, от 27 июня 2017 г. № 1401-О, от 28 сен-

поскольку данные обстоятельства были известны органам предварительного следствия и суду на момент постановления предыдущего приговора. Наступление смерти потерпевшего само по себе, как правильно указано судом, не является основанием для переоценки ранее известных обстоятельств получения потерпевшим телесных повреждений при повторном рассмотрении данного уголовного дела в порядке гл. 49 УПК РФ.

Довод, указанный в кассационном представлении, о том, что свидетельством выполнения К.И.К. общественного долга является Указ Президента РФ от 28 марта 2019 г. № 132 «О награждении государственными наградами Российской Федерации», а именно награждение его орденом Мужества (посмертно) за мужество, смелость и решительность, проявленные при спасении людей в экстремальных условиях, не влечет отмену апелляционного определения суда, поскольку сам по себе факт награждения потерпевшего государственной наградой за мужественный поступок, совершенный при обстоятельствах, которые были известны органам предварительного следствия и суду, согласно ст. 401 УПК РФ не может служить основанием для пересмотра судебного решения по истечении одного года с момента вступления его в законную силу.

Общий итог судебного разбирательства: апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 10 марта 2020 года в отношении П. оставлено без изменения, а кассационное представление заместителя Генерального прокурора РФ без удовлетворения.

Основные научно-практические выводы:

1. Характер поведения потерпевшего К.И.К. в момент преступного посягатель-

ства на его мать явился предметом анализа как органов предварительного расследования до постановления первого приговора (16 декабря 2018 г.), так и Администрации Президента РФ (28 марта 2019 г.). Как известно, органы предварительного расследования и надзирающие за ними прокуроры тогда не усмотрели в поведении К.И.К. ничего геройского. Администрация Президента РФ пришла к выводу о том, что К.И.К. 1 мая 2017 г. совершил мужественный поступок и поэтому заслуживает государственной награды.

2. Возобновление производства по уголовному делу осуществляется в связи с выявлением таких обстоятельств, которые либо возникли уже после рассмотрения уголовного дела судом, либо существовали на момент рассмотрения уголовного дела, но не были известны суду. Такие обстоятельства, несмотря на то что они не обусловлены какими-либо упущениями со стороны суда либо органов и должностных лиц, осуществлявших предварительное расследование и поддержание обвинения в суде, тем не менее не позволяют в конечном счете оценивать вынесенные по уголовному делу решения как законные, обоснованные и справедливые.

3. Взаимосвязанные положения ст. 237 и 418 УПК РФ предполагают необходимость проведения после возвращения судом уголовного дела прокурору расследования всех обстоятельств, имеющих значение для квалификации содеянного, и именно с учетом новых или вновь возникших обстоятельств. Конституционно-правовой смысл указанных положений является общеобязательным и исключает какое-либо иное их истолкование в правоприменительной практике. В противном случае механизм возвращения уголовного дела прокурору по такому основанию, как возбуждение производства по делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, искажал бы суть указанных выше предписаний закона, представляя собой не предусмотренную законом форму восполнения недостатков обвинительной и судебной деятельности.

тбря 2017 г. № 2232-0, от 23 ноября 2017 г. № 2752-0, от 27 сентября 2018 г. № 2117-0, от 25 октября 2018 г. № 2717-0, от 28 февраля 2019 г. № 527-0 и др.).

Теоретическое осмысление содержания уголовного преследования в Республике Таджикистан

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон (Юлдошев Р.Р.),
начальник факультета № 1
Академии Министерства внутренних дел Республики Таджикистан,
кандидат юридических наук, доцент
reefat@yandex.ru

В статье автором рассматриваются различные авторские позиции ученых-процессуалистов и практических сотрудников в Таджикистане по определению дефиниции «уголовное преследование» в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства. Большинство проанализированных точек зрения соотносят уголовное преследование и прокурорский надзор, уголовное преследование и предварительное расследование как общее и частное направления уголовно-процессуальной деятельности. Следовательно, ученые-процессуалисты и практики в некоторой степени смешивают определенные особенности уголовного преследования с другими смежными институтами уголовно-процессуального и иного права. Позиции многих ученых-процессуалистов Таджикистана свидетельствуют о принадлежности многих из них к единой научной школе уголовного процесса, сформированной еще в советское время в стенах юридического факультета Таджикского национального университета. Автором также проанализирован ряд нормативных правовых актов, регламентирующих различные аспекты уголовного преследования, содержание которых в двусмысленном варианте определяют направления уголовного преследования. В обоснование своей позиции автором приводится точка зрения российского ученого-процессуалиста, которая опровергает предложенный вариант авторской дефиниции уголовного преследования на досудебных стадиях, на основании чего нами предлагается развернутая характеристика уголовного преследования в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан, которое охватывает все компоненты уголовно-процессуальной деятельности участников уголовно-процессуальных правоотношений.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, ученые-процессуалисты, уголовное судопроизводство, уголовное преследование, прокурорский надзор, предварительное расследование, функции, участники.

Theoretical Understanding of the Content of Criminal Prosecution in the Republic of Tajikistan

Rakhmadzhonzoda Rifat R. (Yuldoshev R.R.)
Head of Department No. 1 the Academy of Interior of the Republic of Tajikistan
PhD (Law), Associate Professor

In the article, the author examines the various authors' positions of scientists-proceduralists and practical employees in Tajikistan on defining the definition of criminal prosecution in accordance with the provisions of the criminal procedure legislation. Most of the analyzed points of view relate criminal prosecution and prosecutor's supervision, criminal prosecution and preliminary investigation as a general and private direction of criminal procedural activity. Consequently, procedural scholars and practitioners to some extent confuse certain features of criminal prosecution with other related institutions of criminal procedure and other law. The position of many legal scholars in Tajikistan testifies to the fact that many of them belong to the unified scientific school of criminal procedure, which was formed back in Soviet times within the walls of the law faculty of the Tajik National University. The author also analyzed a number

of normative legal acts governing various aspects of criminal prosecution, the content of which in an ambiguous version determines the directions of criminal prosecution. In substantiating his position, the author provides the point of view of a Russian scientist-proceduralist, which refutes the proposed version of the author's definition of criminal prosecution in the pre-trial stages, on the basis of which we propose a detailed description of criminal prosecution in the criminal proceedings of the Republic of Tajikistan, which covers all components of the criminal procedural activity of the participants criminal procedural legal relations.

Keywords: Republic of Tajikistan, legal scholars, criminal proceedings, criminal prosecution, prosecutor's supervision, preliminary investigation, functions, participants.

В науке уголовно-процессуального права дореволюционного, советского и постсоветского периодов изучение феномена «уголовное преследование», как и других институтов и дефиниций уголовно-процессуального законодательства, занимает одну из лидирующих позиций. Сказанному явное подтверждение определенное количество опубликованных и защищенных работ по различным проблемам уголовного преследования. Многие из этих трудов являются по своему значению и содержанию классическими и составляют основу соответствующих исследований. Особенное место в подготовке и издании фундаментальных трудов занимают ученые-процессуалисты Российской Федерации.

Исходя из преемственности научных традиций российских уголовно-процессуальных научных школ, многие ученые-процессуалисты Таджикистана проводят свои научные исследования по различным проблемам уголовного процесса. Это объективная необходимость, и востребована в контексте развития науки и практики уголовного судопроизводства. Все это свидетельствует о новом этапе становления и развития уголовно-процессуальной мысли в Таджикистане. В основном исследования отдельных направлений уголовного преследования начали проводиться с принятием Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Таджикистан в 2009 г.

Переходя к анализу суждений отечественных ученых-процессуалистов о доктрине уголовного преследования, ее формах и содержании этой функции, следует сделать оговорку, что мнения кардинальным образом расходятся, иногда противоречат и невооруженным глазом просматривается непоследовательность суждений и точек соприкосновения. Содержание отдельных нормативных правовых актов также выглядит крайне спорным. Не претендуя на ис-

тинность своих авторских соображений, следует отметить, что в некоторой мере все эти точки зрения на этом же этапе формируют концепцию рассматриваемой проблемы и вносят определенный вклад для дальнейших научных изысканий, а с другой стороны, являются платформой для научной критики и выработки путей их разрешения.

К примеру, анализируя место прокурорского надзора с уголовным преследованием, З.Х. Искандаров утверждает, что нельзя в УПК Республики Таджикистан определять функции прокурора в уголовном процессе только как уголовное преследование, поскольку оно является методом, способом осуществления прокурорского надзора¹.

Аналогичного мнения по данной проблеме придерживается также И.Т. Махмудов, который указывает, что прокурорский надзор в сфере законного проведения предварительного расследования — это средство реализации уголовного преследования. Далее цитируемый автор приходит к выводу, что на всем протяжении производства по уголовному делу прокурор осуществляет уголовное преследование². В другой своей работе И.Т. Махмудов утверждает, что предварительное расследование является одной из форм уголовного преследования, которое находит свое продолжение в суде. Качество уголовного преследования в суде зависит во многих случаях от качества предварительного следствия. Далее цитируемым автором

¹ Искандаров З.Х. Правовые основы защиты прав человека в уголовном процессе Республики Таджикистан : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ташкент, 2010. С. 33.

² Махмудов И.Т. Осуществление прокуратурой уголовного преследования // Актуальные вопросы судебного права, прокурорской деятельности и пресечение преступности в Республике Таджикистан (материалы научно-теоретических конференций) / под ред. И.Т. Махмудова. Душанбе : Просвещение и культура, 2013. С. 19.

указывается, что прокурорский надзор за органами предварительного расследования является необходимым средством обеспечения функции уголовного преследования подозреваемых и обвиняемых³.

Прокурор-практик Х.Д. Юлдошев указывает также на несоответствие названия гл. 3 «Основания для отказа и для прекращения производства по уголовному делу» УПК Республики Таджикистан, где содержатся некоторые нормы об уголовном преследовании, с ее содержанием, и предлагает исправление данного пробела путем внесения изменений и дополнений. Далее он утверждает о главенстве роли прокуроров в осуществлении уголовного преследования⁴, что признать бесспорным постулатом крайне дискуссионно, и не находит должного подтверждения даже со стороны уголовной статистики.

По результатам своих исследований И.Т. Махмудов определяет уголовное преследование в следующей редакции: «Уголовное преследование — это процессуальная деятельность прокурора, следователя и дознавателя в целях собирания доказательств о виновности подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления с целью дальнейшего справедливого разрешения и рассмотрения уголовного дела»⁵.

Практический сотрудник органа по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией А.А. Джонаков определяет уголовное преследование как предусмотренную уголовно-процессуальным за-

коном деятельность компетентных органов государства (органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора), а также потерпевшего и частного обвинителя, направленную на установление общественно опасного деяния и изобличение лица, его совершившего⁶. В данном определении трудно представить себе уголовное преследование как деятельность потерпевшего и частного обвинителя, когда в реальности они лишь могут только участвовать в осуществлении (реализации) функции уголовного преследования и не могут осуществлять те процессуальные действия и принимать те процессуальные решения, которые составляют основу этой функции.

Согласно принятой Концепции прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан⁷, подлежит повышению роль прокуратуры в осуществлении уголовного преследования и прокурорского надзора. Как нам представляется, повышение роли прокурорского надзора будет осуществляться за счет интенсификации прокурорами процессуального руководства деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, а также за счет интенсификации прокурорско-надзорной деятельности по обеспечению безусловного соблюдения прав, свобод и законных интересов всех участников досудебного производства (ч. 13, п. 44, данной концепции).

Целью реализации является обеспечение выполнения требований Конституции Республики Таджикистан и разрешение актуальных проблем системы законодательства Республики Таджикистан, определение ос-

³ Махмудов И.Т. Участие прокурора в уголовном процессе как важный фактор обеспечения законности, прав и свобод человека и принципа состязательности // Конституция Республики Таджикистан и национальная правовая система: предпосылки развития и перспективы юридической науки: материалы международной научно-теоретической конференции, посвященной 25-летию Конституции Республики Таджикистан и 70-летию образования Юридического факультета Таджикского национального университета / под ред. к.ю.н., доцента Д.С. Рахмон. Душанбе, 2019. С. 467-468.

⁴ Юлдошев Х.Д. Возникновение и развитие уголовного преследования как направление деятельности органов прокуратуры Республики Таджикистан // Законность. 2012. № 3. С. 83-84.

⁵ Махмудов И.Т. Указ. соч. С. 161-162.

⁶ Джонаков А.А. Уголовное преследование, осуществляемое прокурором в уголовном процессе Республики Таджикистан и Российской Федерации. М.: Изд-во Юрлитинформ, 2013. С. 5.

⁷ Концепция прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан: Указ Президента Республики Таджикистан от 19 февраля 2011 г. № 1021 // Единый государственный реестр нормативных правовых актов Республики Таджикистан. 2011. Ч. 2. № 3. С. 142-156. Данный документ перестал действовать в связи с принятием Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 гг. от 6 февраля 2018 г. № 1005.

новых направлений и способов совершенствования законодательства в соответствии с принципами независимого, демократического, правового, светского, унитарного и социального государства.

Как и Концепция прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан, государственная программа по реализации Концепции прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан в сфере государственного устройства, правозащиты, обороны и безопасности на 2012-2015 гг., которая утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 1 марта 2012 г. № 97, ставит на первое место в деятельности прокуроров осуществление уголовного преследования, а затем прокурорский надзор. Аналогичное положение закреплено в ч. 1 ст. 37 УПК Республики Таджикистан. Соответствующая госпрограмма в качестве одного из приоритетных направлений выбрала *повышение эффективности деятельности по уголовному преследованию и надзору за исполнением законов при расследовании уголовных дел* (§ 2 п. 10).

Следует отметить, что указанные нормативные правовые акты Таджикистана внесли неясность в направление деятельности органов прокуратуры в сфере осуществления уголовного преследования. В действующем Конституционном законе Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры» ничего не говорится об уголовном преследовании. И.Т. Махмудов выдвигает аналогичную гипотезу, что Конституционный закон Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры» не определяет уголовное преследование: его цели; является ли оно функцией; направлением деятельности; правом; обязанностью или полномочием. Здесь же следует согласиться с утверждением И.Т. Махмудова⁸, что было бы целесообразнее внести изменения в виде соответствующих положений в указанный конституционный закон, закрепляющий основы прокурорского уголовного преследования.

Анализ суждений отечественных ученых и практиков свидетельствует о принадлежности их всех к единой научной школе уголовного процесса юридического факуль-

⁸ Махмудов И.Т. Осуществление прокуратурой уголовного преследования // Там же. С. 154-165, 166.

тета Таджикского национального университета, где прослеживается преемственность в научных исследованиях.

Предложенное нами авторское определение уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства⁹ Т.А. Владыкина считает не вполне точным, содержательно не полным, так как не учитывается уголовное преследование, осуществляемое по делам частного обвинения¹⁰. Далее она предлагает свое определение, по которому уголовное преследование — это осуществляемая участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения в пределах полномочий, предоставленных уголовно-процессуальным законодательством, процессуальная деятельность по уголовному делу в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Под изобличением Т.А. Владыкина понимает процессуальную деятельность стороны обвинения по обнаружению, собиранию, исследованию, оценке доказательств по уголовному делу, направленную на установление их достаточности для формулирования, предъявления и поддержания обвинения в отношении лица, совершившего преступление¹¹.

Резюмируя все проанализированное, можно предложить следующее развернутое авторское определение функции уголовного преследования в уголовном судопроизводстве: *функция уголовного преследования — это процессуальная деятельность, осуществляемая в установленном законом по-*

⁹ Юлдошев Р.Р. Уголовное преследование в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 11; Юлдошев Р.Р. Уголовное преследование в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 32-33.

¹⁰ Владыкина Т.А. Уголовное преследование в Российской Федерации и Республике Таджикистан как юридическое понятие, процессуальный институт и уголовно-процессуальная деятельность // Уголовная политика в контексте современных мировых тенденций : материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. к.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода. Душанбе : ЭР-граф, 2018. С. 73.

¹¹ Владыкина Т.А. Указ. соч. С. 74.

рядке специально уполномоченными государственными органами, должностными лицами и направленная на возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, задержание лица по подозрению в совершении преступления, принятие решений о предоставлении лицу статуса подозреваемого и (или) обвиняемого, избрание и применение к подозреваемому, обвиняемому меры пресечения, производство следственных действий, прекращение уголовного дела или уголовного преследования; составление обвинительного заключения, утверждение прокурором обвинительного заключения и

направление уголовного дела в суд и поддержание государственного обвинения в судах различных инстанций.

Не претендуя на истинность наших суждений, считаем, что предложенное определение в равной мере выглядит взвешенным, оптимальным на сегодняшний день и демонстрирует всю мощь и арсенал всех уголовно-процессуальных средств, используемых для полного, объективного и всестороннего осуществления уголовного преследования на различных стадиях уголовного судопроизводства соответствующими участниками.

Философия следственной деятельности

Орлова Анна Владимировна,
заместитель заведующего кафедрой права по научной работе
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического государственного университета (МПГУ),
кандидат философских наук
avtor@lawinfo.ru

Анализируется коллективная монография «Следственная деятельность», подготовленная на кафедре судебной власти правоохранительной и правозащитной деятельности МПГУ.

Ключевые слова: следственная власть, следственная деятельность, философия следственной деятельности, предварительное расследование, субъекты и результаты следственной деятельности.

Philosophy of the Investigative Activities

Orlova Anna V.
Deputy Head of the Department of Law on Scientific Work
of the Institute of Social and Humanitarian Education
of the Moscow State University of Education (MSPU)
PhD (Philosophy)

The author analyses the collective monograph Investigation Activity prepared at the Department of Judiciary, Law Enforcement and Advocacy of the MSPU.

Keywords: investigating authorities, investigating activities, investigating activity philosophy, preliminary investigation, subjects and results of investigating activity.

На кафедре судебной власти правоохранительной и правозащитной деятельности Института социально-гуманитарного образования МПГУ под руководством профессо-

ра Н.А. Колоколова подготовлена к изданию коллективная монография, посвященная анализу такого государственно-правового феномена, как следственная деятельность.

Для удобства восприятия читателем этот объемный труд под общим названием «Следственная деятельность» разбит на три совершенно самостоятельные книги: 'Anchetator'¹, 'Quo vadis?'² и 'The Plea Bargaining'³.

В первой из них авторы пытаются дать ответ на вопрос: кто вы, российский следователь? Заурядный оформитель (Anchetator) результатов труда органов сыска или заслуженный и успешный следопыт? Во второй книге авторы пишут о возможных путях развития отечественного предварительного следствия. Наконец, в третьей, заключительной книге ими ставится острый в наши дни вопрос: судиться или мириться? Ответ на который авторы оставляют за читателем. Впрочем, в трилогии утверждается, что практики (в отличие от некоторых ученых) свой выбор уже сделали: они за новую философию следственной деятельности, поэтому предпочитают конфронтации обоюдновыгодный договор с правонарушителем (в некоторых странах до 98% производств), пусть даже теоретики в правильности такого подхода пока не уверены.

Авторский коллектив монографии представлен как рядом видных теоретиков (доктора юридических наук: И.А. Андреева, М.Т. Аширбекова, А.Р. Белкин, Б.Я. Гаврилов, С.Б. Поляков), так и широко известными практиками (М.В. Складенко, Р.В. Ярцев). Впрочем, крайне трудно отнести к «чистым» теоретикам генерал-майора юстиции в отставке — Бориса Яковлевича Гаврилова, который треть века посвятил следствию, а вершиной его карьеры является должность заместителя начальника СК при МВД РФ.

Руководитель авторского коллектива совершенно справедливо отмечает, что следственная деятельность — важная составляющая уголовной политики государства, которая для нас, как известно, всегда

является загадочной очевидностью⁴. Трудно оспорить слова Н.А. Колоколова о том, что «следственная деятельность — это та «соломинка, за которую хватается» общество, с треском провалившее уголовную политику в части предупреждения преступности».

Авторы монографии считают, что «понятие «следственная деятельность» гораздо шире традиционного для российской юридической науки уголовно-процессуального понятия «предварительное расследование преступлений», ибо познание следственной изучением анализа норм УПК РФ и практики их применения следователями да дознавателями не ограничивается». В их видении «следственная деятельность — это в первую очередь человеческий ресурс: следователи и дознаватели, сведенные в соответствующие большие военизированные (все носят погоны) группы, фактически — «следственные армии», в 2010 году в России наряду с этими «армиями» появилась еще и следственная гвардия — Следственный комитет РФ».

Не уклонились авторы монографии от традиционно предпринимаемых ими попыток раскрыть понятие «следственная власть». Естественно, что «предмет познания авторов: следственная система (следственное устройство), аппарат власти следственной»; структура следственной системы в России; принципы ее построения, история и футурология отечественного предварительного расследования преступлений».

Ими рассмотрены понятия: «должностные лица» и «органы управления следственной системой, ее деятельность», категории «власть следователя», «власть руководителя следственного органа»; проведен сравнительный анализ понятий: «следователь», «судебный следователь», «следственный судья». С учетом последних достижений науки и техники авторами «обозначен вопрос: перспективы замены человека-следователя искусственным интеллектом». Самостоятельный предмет исследования — следственное производство; его понятие и признаки; стадии следственного производ-

¹ Следственная деятельность. Книга первая. Anchetator : монография / под ред. д-ра юрид. наук Н.А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2021. 232 с.

² Следственная деятельность. Книга вторая. Quo vadis? : монография / под ред. д-ра юрид. наук Н.А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2021. 224 с.

³ Следственная деятельность. Книга третья. The Plea Bargaining : монография / под ред. д-ра юрид. наук Н.А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2021. 264 с.

⁴ См. об этом подробнее: Колоколов Н.А. Уголовная политика: загадочная очевидность. М. : Юрлитинформ, 2014. 208 с.

⁵ Аппарат власти следственной / под ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2016. 384 с.

ства; проблемы и пути совершенствования следственного производства; цифровизация следственной деятельности; электронный следователь.

Исследовано соотношение категорий: следственная деятельность — оперативно-разыскная деятельность — экспертная деятельность — судебная деятельность.

Еще один предмет анализа: статус следователя, дознавателя; органы следственного сообщества; подготовка следователей (дознавателей) к осуществлению следственной деятельности; дисциплинарная ответственность следователей (дознавателей); этика следственной деятельности.

Авторы прекрасно понимают, что в основе следственной деятельности лежит ее организационное обеспечение; информационное обеспечение в органах предварительного расследования; электронное обеспечение следственной деятельности; автоматизированный документооборот в следственной деятельности.

Вклад авторов в общую теорию права — исследование таких категорий, как: следственная доктрина; следственное право; следственная практика; следственные правовые позиции; следственное усмотрение в уголовно-процессуальной деятельности, понятие, критерии и ограничения.

В монографии предпринята попытка анализа формирования следственной практики: ее федеральный и региональный уровни. Исследованы правовые позиции (прецеденты) Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ в следственной деятельности.

Еще интересные направления исследований: попытки понять следственное нормотворчество, следственный прецедент как источник права; единство следственной судебной практики: понятие и механизм реализации; единообразие и единство следственной практики: понятие, соотношение и реализация в следственной деятельности; поддержание и обеспечение единства следственной практики руководителями следственных органов, прокурорами, судами.

Особняком стоит проблема имплементации следственных и судебных процессуальных актов в законодательство — классический пример реанимации института возвращения судом уголовного дела для дополнительного расследования⁶. Подвергнуты исследованию также юридические инновации в следственной деятельности; юридическая техника и новые технологии в следственной деятельности.

Еще один самостоятельный предмет исследования: особое внимание авторы монографии уделили ошибкам в следственной деятельности и путям их устранения; ведомственный контроль, прокурорский надзор и судебный контроль⁷; приведены размышления авторов о том, что из этого перечня следует усилить, а что ликвидировать.

В определенной степени о новаторстве монографии можно судить по ее содержанию. Например, вниманию читателя предлагаются такие темы, как: «Судьба “The Groveland Four”», «# My too: или новые стандарты расследования», «Единый следственный аппарат: несбыточная мечта», «Как “лебедь”, “рак” да “щука” предварительное расследование спасают»⁸, «Судить или следовать?», «“Следователь — прокурор” — парная категория в современном уголовном судопроизводстве России», «Неотвратимость наказания — ideas fixes», «“Толщина” отказного», «Шарлатанство в следственной деятельности», «Как следователи поколения Z изменят уголовно-процессуальный мир», «Особый порядок: подходы новые, ошибки старые», «“Plea Bargaining”: триумф или трагедия», «Plea Bargaining в России: оправдан ли шаг назад?».

⁶ Колоколов Н.А. Долгожданный возврат к доследованию // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 28-35.

⁷ Колоколов Н.А. Методика проведения основных судебно-контрольных действий в стадии предварительного расследования : в 2 ч. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрлитинформ, 2015. Ч. 1. 408 с.; ч. II. 456 с.

⁸ См. об этом также: Поляков С.Б. Как «лебедь», «рак» да «щука» предварительное расследование спасают // Уголовное судопроизводство. 2019. № 1. С. 7-15.

Литература

1. Аппарат власти следственной / под редакцией Н.А. Колоколов. Москва : Юрлитинформ, 2016. 384 с.
2. Колоколов Н.А. Долгожданный возврат к доследованию / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 28-35.

3. Колоколов Н.А. Методика проведения основных судебно-контрольных действий в стадии предварительного расследования : учебное пособие. В 2 частях. Ч. 1 / Н.А. Колоколов. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрлитинформ, 2015. 408 с.
4. Колоколов Н.А. Методика проведения основных судебно-контрольных действий в стадии предварительного расследования : учебное пособие. В 2 частях. Ч. 2 / Н.А. Колоколов. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрлитинформ, 2015. 456 с.
5. Колоколов Н.А. Уголовная политика: загадочная очевидность / Н.А. Колоколов. Москва : Юрлитинформ, 2014. 208 с.
6. Поляков С.Б. Как «лебедь», «рак» да «щука» предварительное расследование спасают / С.Б. Поляков // Уголовное судопроизводство. 2019. № 1. С. 7-15.
7. Следственная деятельность. Книга первая. Anchetator : монография / под редакцией Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2021. 232 с.
8. Следственная деятельность. Книга вторая. Quo vadis? : монография / под редакцией Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2021. 224 с.
9. Следственная деятельность. Книга третья. The Plea Bargaining : монография / под редакцией Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2021. 216 с.

**Издательская группа «Юрист» продолжает подписку на комплект
«Российский следователь с приложением»**

Уважаемые читатели!

Предлагаем вам оформить подписку на комплект «Российский следователь с приложением». В комплект входят следующие издания:

- Вопросы ювенальной юстиции;
- Международное уголовное право и международная юстиция;
- Наркоконтроль;
- Российский следователь;
- Уголовное судопроизводство;
- Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление;
- Эксперт-криминалист.

С условиями подписки рекомендуем ознакомиться на сайте ИГ «Юрист»: HYPERLINK "<http://www.lawinfo.ru>" www.lawinfo.ru в разделе «Подписка».

Наш адрес:

115035, г. Москва, Космодамианская набережная, д. 26/55, стр. 7.

Телефон: 8(495) 617-18-88.

E-mail: podpiska@lawinfo.ru